

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»

На правах рукописи

Усманов Тимур Фазлитдинович

**Мир повседневности в загадках испанской, русской и татарской
лингвокультур**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Чеснокова О.С.

Москва 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАГАДОК	12
1.1. Загадки как отражение мира повседневности и жизненного опыта человека и различные определения загадок.....	15
1.2. Филологический подход к исследованию загадок	22
1.3. Лингвокогнитивный подход к исследованию загадок	27
1.4. Лингвокультурологический подход к исследованию загадок.....	30
1.5. Сопоставительный этнолингвистический подход к исследованию загадок.....	33
1.6. Подход к исследованию загадок с позиции системной лингвистики	36
1.7. Выводы по Главе 1	39
ГЛАВА 2. ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЗАГАДОК О НЕБЕСНЫХ ТЕЛАХ И ЯВЛЕНИЯХ ПРИРОДЫ	41
2.1. Загадки о солнце	44
2.2. Загадки о луне/месяце	46
2.3. Загадки о дне и ночи.....	49
2.4. Загадки о звездах	51
2.5. Загадки о тени	53
2.6. Загадки о ветре.....	56
2.7. Загадки о дожде/ливне	58
2.8. Загадки о снеге/льде	60

2.9. Выводы по Главе 2.....	62
ГЛАВА 3. ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ И НАПИТКИ КАК КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В ИСПАНСКИХ, РУССКИХ И ТАТАРСКИХ ЗАГАДКАХ.....	63
3.1. Загадки о приправах	67
3.2. Загадки о злаках	72
3.3. Загадки о мучных изделиях	79
3.4. Загадки о мясных продуктах	89
3.5. Загадки о молочных продуктах	92
3.6. Загадки о яйце	95
3.7. Загадки о растениях и овощах.....	99
3.8. Загадки о фруктах и ягодах.....	112
3.9. Загадки об орехах	123
3.10. Загадки о напитках	127
3.11. Выводы по Главе 3	138
ГЛАВА 4. ВЕСТИМЕНТАРНЫЙ КОД ИСПАНСКИХ, РУССКИХ И ТАТАРСКИХ ЗАГАДОК ОБ ОДЕЖДЕ И АКСЕССУАРАХ.....	140
4.1. Загадки о повседневной одежде.....	141
4.2. Загадки об обуви	148
4.3. Загадки о головных уборах и аксессуарах	156
4.4. Выводы по Главе 4.....	160
БИБЛИОГРАФИЯ	163

ВВЕДЕНИЕ

Загадка относится к древнейшему жанру словесного творчества. Сюжет о загадке и аллюзии загадки находим, например, в «Царе Эдипе» Софокла, а первым памятником итальянского языка VII или IX в. считается «Веронская загадка» [Алисова, Репина, Таривердиева 1987:132]. Определение загадки Аристотелем как хорошо составленной метафоры [Аристотель 1998] наметило изучение загадки в различных языках и культурах. Метафора, по мнению А. П. Чудинова, «необычайно динамична, она понятна только «здесь и сейчас» [Чудинов 2001: 11], поэтому изучение загадок все еще является актуальной и непростой задачей – в текстах загадок мы встречаем зооморфные и антропоморфные метафоры, обращение к мифологическим и культурным традициям, обращение к вестиментарному и глоттоническому кодам культур.

Сама загадка представляет текст различной протяженности и различной художественной конструкции (проза или поэзия) в виде прямого или косвенного вопроса и ответа. Композиция загадки универсально включает связанные между собой вопрос и ответ и подразумевает двух участников, в роли которых может выступать не одно лицо, а коллектив.

По справедливому наблюдению М.О. Абдрашитовой [Абдрашитова 2012: 6], загадка оказывается «культурным кодовым текстом, владение которым в отдельных случаях становится способом определения принадлежности к той или иной социальной группе» [Абдрашитова 2012: 6]. В языкознании наметились новые подходы к изучению загадки, среди которых выделим лингвокультурологический, когнитивный, семиотический [Абдрашитова 2012; Мугтасимова 2012; Ковшова, Орлова 2020; Ковшова 2021; Орлова 2021; Медведева, Чеснокова 2019; Medvedeva 2022], контрастивный [Файзуллина 2019; Николаева, Савельева 2021; Орлова, 2021].

В данной работе нами впервые предложен опыт сопоставительного этнолингвокультурологического исследования загадок о мире повседневности в загадках трех фольклорных традиций, относящихся к романской (испанская), славянской (русская) и тюркоязычной (татарская) лингвокультурам.

Актуальность темы обусловлена необходимостью углубленного исследования фольклорного жанра загадки и представления отражения в загадке специфического мира повседневности в языковой картине мира испанцев, русских и татар в сопоставительном аспекте. Загадка, будучи одним из древнейших жанров устного народного творчества, служит выражением языковой картины мира, фиксируя типичные образы, ассоциации и способы мышления испанцев, русских и татар. Однако сопоставительный анализ испанских, русских и татарских остается недостаточно изученным, что создает пробел в понимании этнолингвокультурологических различий в текстах загадок трех рассматриваемых лингвокультур. Таким образом, данное исследование актуально как с теоретической, так и с прикладной точки зрения, поскольку способствует углублению знаний о взаимосвязи языка, фольклора и повседневности.

Цель исследования – обосновать наличие моделей образного представления природы, мира повседневности, сопоставить и систематизировать их в трех лингвокультурах трех языковых групп: романской, славянской и тюркской.

Указанная цель требует решения ряда **задач**.

1. Определить понятия загадки в трех исследуемых лингвокультурах.
2. Систематизировать исторические, этнические и природно-географические факторы, которые повлияли на культуру и лингвокультуру испанцев, русских и татар и которые объективируются в текстах загадок.
3. Обосновать теоретическую базу диссертационного исследования, изучив историю испанского, русского и татарского фольклора и репрезентацию загадки как малого фольклорного жанра.
4. Создать авторскую картотеку загадок на испанском, русском и татарском языках, в которых будет отражена специфика природного, глуттонического и вестиментарного кодов рассматриваемых культур.

Объектом исследования являются языковые средства, создающие образы мира повседневности (природы, пищи и предметов одежды) в загадках испанского, русскоязычного и татарского этносов.

Предметом исследования являются сопоставительные модели загадок о повседневности: природе, небесных телах, пище, предметах одежды в испанской, русской и татарской лингвокультурах.

В ходе работы применялась комплексная методика, включившая следующие **методы исследования**: семантический, интерпретационный, лингвокультурологический, сопоставительный анализ текстов загадок, культурологическое комментирование. Предлагаемая методология базируется на современном подходе к исследованию текста, к которому мы относим любую загадку, в совокупности таких его универсальных свойств, как связность, целостность, континуальность, образность.

Степень научной разработанности. Степень изученности темы изложена в теоретической части диссертации, основой которой послужили труды отечественных и зарубежных исследователей, где рассматриваются:

- вопросы истории, лингвокультурологии и этнографии (Л.Р. Габдрафикова, Г.Д. Гачев, Г.Р. Еникеев, Л.Н. Гумилев, В.В. Воробьев, П. Знаменский, В.В. Красных, В.А. Коростелева, К. Насыри, Й. Хёйзинга и др.)

- лингвокогнитивный подход применительно к текстовой специфике в исследовании загадок (Х.-Г. Гадамер, В. фон Гумбольдт, В.З. Демьянков, Д.С. Лихачев, Л.Г. Лузина, М.И. Малхазова, М.Л. Ковшова, Л.Л. Нелюбин, О.С. Орлова, Т.Б. Радбиль, Е.С. Кубрякова, Ю.Г. Панкрац, Ю.С. Степанов и др.);

- вопросы языковой специфики фольклора и его жанров (А.В. Баканова, Т.Г. Бочина, Е.С. Медведева, О.С. Чеснокова, А.А. Чувакин, С. Fernández, J. L. Garfer, R. V. Monforte Dupret и др.);

- сопоставительный этнолингвистический анализ загадок (М.А. Бредис, Г.О. Винокур, В.В. Воробьев, Е.Е. Иванов, М.Л. Ковшова, С.А. Кошарная, Е.С. Кубрякова, О.В. Ломакина, М.И. Малхазова, В.А. Маслова, Х.Ш. Махмутов, Е.С. Медведева, В.Ю. Михальченко, Н.Ю. Нелюбова, О.С. Орлова, В.И.

Постовалова, В.Я. Пропп, Т.Б. Радбиль, Э. Сепир, Ю.С. Степанов. R.V. Monforte Dupret и др.).

Теоретико-методологической базой диссертационного исследования явились работы российских и зарубежных лингвистов, в первую очередь, таких авторов, как А.В. Баканова (2023), Т.Г. Бочина (2023), В.З. Демьянков (1996), Л.Р. Габдрафикова (2015), Х.-Г. Гадамер (1988), Г.Д. Гачев (1995), Г.О. Винокур (1959), Г.Р. Еникеев (2013), Л.Н. Гумилев (2019), В. фон Гумбольдт (1984), Д.К. Зеленин (1929), Е.С. Кубрякова (1996), В.В. Красных (2011), Д.С. Лихачев (1993), Л.Г. Лузина (1996), М.И. Малхазова (2013), Х.Ш. Махмутов (2014), В.А. Маслова (2004), Е.С. Медведева (2019), В.В. Митрофанова (1978), В.Ю. Михальченко (2015), Л.Л. Нелюбин (2003), Н.Ю. Нелюбова (2021), К. Насыри (2015), О.В. Ломакина (2021), О.С. Орлова (2021), Т.Б. Радбиль (2018), В.И. Постовалова (1999), Й. Хёйзинга (2022), Э. Сепир (1993), Ю.Г. Панкрац (1996), Ю.С. Степанов (2001), О.С. Чеснокова (2019, 2022, 2023, 2024), А.А. Чувакин (2011), С. Fernández (1984), J.L. Garfer (1984), R.V. Monforte Dupret (2023) и др.

Материалом исследования послужили более 300 испанских, 300 русских и 300 татарских загадок на темы явлений природы, небесных тел, пищи, предметов одежды, извлеченных посредством сплошной выборки из изданий по испанскому, русскому и татарскому фольклору; загадки из сборников традиционных испанских, русских и татарских загадок; загадки, зафиксированные в сборниках загадок и размещенные на интернет-сайтах.

Рабочая гипотеза исследования состоит в обосновании взаимосвязи между текстом загадок и языковой картиной мира испанцев, русских и татар, а именно в этноспецифической окрашенности текстов загадок и представлении в них природного, глуттонического и вестиментарного кодов повседневности испанской, русской и татарской культур.

На защиту выносятся следующие **положения**.

1. Текст загадок отражает языковую картину мира испанцев, русских и татар в идиоэтническом формате.

2. Структуре и содержанию загадок свойственна этноспецифика, что обусловлено природным, глуттоническим, вестиментарным кодами повседневности испанской, русской и татарской культур.

3. В композиционной структуре загадки присутствуют типологически обусловленные черты: испанские и русские загадки характеризуются событийностью, в соответствии с событийной детерминантой флективных языков, в то время как татарская лингвокультура тяготеет к фокусированию на признаках и качествах денотатов загадок, что соответствует признаковой детерминанте, тюркских языков.

4. Текстам загадок присуща лакунарность: загадки и образы, свойственные одной лингвокультуре, немногочисленны или вовсе отсутствуют в других лингвокультурах.

Научная новизна диссертации заключается в том, что *впервые*:

1) проведено сопоставительное исследование испанских, русских и татарских загадок о повседневности;

2) определены языковые параметры испанских, русских и татарских загадок о повседневности через их комплексный семантический, интерпретационный, лингвокультурологический анализ и в систематизации сходств и различий;

3) предложена интерпретация структуры и эстетики испанских, русских и татарских загадок о повседневности: природных явлениях, пище и предметах одежды в рамках системной лингвистики Г.П. Мельникова. Выявлено, что татарские загадки о явлениях природы, пище и одежде проявляют признаковую детерминанту тюркских языков, а испанские и русские загадки – событийную детерминанту флективных испанского и русского языков.

Теоретическая значимость заключается в систематизации лингвистических данных о поэтике тематически идентичных загадок разноязычных культур – испанской, русской и татарской. Обосновано, что этнолингвистическое содержание и поэтика загадок варьируют в зависимости

от объективных природно-географических факторов, доминант национально-специфического мировидения и типологической принадлежности языков.

Практическая значимость определяется возможностью использовать материалы и результаты исследования в образовательном процессе по дисциплинам «Лингвокультурология», «Лексикология», «Межкультурная коммуникация», «Теория перевода», «Общее языкознание», что будет способствовать расширению общегуманитарного кругозора студентов.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные тезисы диссертации, выработанные в ходе научного исследования, нашли отражение в 5 публикациях общим объемом 5.5 п.л., 2 – в научных журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации, а 2 из которых – в изданиях, индексируемых международной базой данных Scopus.

Выводы, выносимые на защиту, отражены в научных докладах, представленных автором на следующих конференциях: V Фирсовских чтениях. Современные языки, коммуникация и миграция в условиях глобализации (РУДН, 2021 г.); 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой (СПбГУ, 2022 г.); VI Фирсовских чтениях «Современные языки и культуры: вариативность, функции, идеологии в когнитивном аспекте» (РУДН, 2023 г.); LI Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой (СПбГУ, 2024 г.)

Структура диссертационной работы определяется поставленными целью, задачами и логикой исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав с выводами, заключения, списка литературных источников, библиографического списка, насчитывающего 116 наименований.

Во **Введении** обосновываются выбор темы, актуальность и новизна исследования, определяются его цель, задачи, теоретическая и практическая

значимость, формулируются основные методы, применяемые в ходе работы. Также устанавливаются задачи и положения, которые выносятся на защиту.

В первой главе **«Теоретические предпосылки исследования загадок в различных лингвокультурах»** систематизируются основные термины и понятия, составившие теоретическую базу диссертации, рассматриваются традиции исследования жанра загадки в отечественной и зарубежной лингвистике, приводятся подходы к изучению мира повседневности, дана характеристика испанской, русской и татарской лингвокультур.

Во второй главе **«Тематическая классификация загадок о небесных телах и явлениях природы»** на материале текстов загадок испанской, русской и татарской лингвокультур предложен опыт сопоставительного описания девяти природных явлений, с использованием интерпретации особенностей поэтики. Исследуются загадки о природных феноменах и явлениях: солнце, луне/месяце, дне, ночи, звездах, тени, ветре, дожде, снеге. В этой главе мы пришли к выводу о том, что загадки с указанными явлениями природы есть во всех трех лингвокультурах, однако, как и следовало ожидать, их представление наполнено этноспецификой и обусловлено типологически, так как и испанские, и русские загадки проявляют тяготение к событийности, в соответствии с событийной детерминантой флективных языков, по Г.П. Мельникову, а татарская лингвокультура фокусируется на признаках и качествах денотатов в загадках, созвучном признаковой (качественной) детерминанте, тюркских языков.

В третьей главе **«Продукты питания и напитки как культурные коды в испанских, русских и татарских загадках»** выявлены этнокультурные характеристики испанской, русской и татарской глютогонических систем через призму загадок; проанализированы основные конститутивные признаки испанского, русского и татарского гастрономического дискурса; определены лексико-семантические особенности испанских, русских и татарских народных загадок о еде, используемые в них средства языковой

выразительности; при их интерпретации применен инструментарий системной лингвистики Г.П. Мельникова.

В четвертой главе **«Вестиментарный код испанских, русских и татарских загадок об одежде и аксессуарах»** исследуются реалии испанского, русского и татарского мира повседневности через вестиментарный код соответствующих лингвокультур.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы работы и намечаются перспективы проведенного исследования.

В **Библиографии**, насчитывающей **113** источников, представлен список использованной литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАГАДОК

Первые загадки отражали дидактическую природу познания человеком окружающего мира [Митрофанова 1978: 30]. Загадки должны были не ставить вопросы, а скорее отвечать на них. Они были попыткой древнего человека понять или разгадать устройство вселенной. Вероятно, до того, как человек назвал солнце солнцем и луну – луной, он пытался понять, почему они светят на небе, сменяя друг друга и тем самым определяя ход повседневной жизни человека. Почему идет дождь и почему его отсутствие ведет к засухе. Предположительно, в попытке объяснить важнейшие явления мира появились первые устные загадки в виде метафор.

Вопрос генезиса загадки всегда интересовал ученых, в частности специалистов в области истории, мифологии и лингвистики. Так, например, Ф.И. Буслаев – основатель русской мифологической школы – относил загадку к «древнейшему периоду первых проблесков человеческого разума» [Буслаев 1861]. Примечательно, что, по мнению Ф.И. Буслаева, ставить такие глобальные вопросы было человеческой смелостью, однако этой смелости хватало лишь на постановку вопроса, но не на поиск ответа: «[загадка была] не что иное как смелый вопрос пробужденного ума о таинственных силах и явлениях природы. Но боязливая фантазия язычника, испугавшись смелости вопроса, тотчас же умела примириться с загадкою, предоставив ее своим богам и существам сверхъестественным как орудие к обузданию гордости человеческого разума, что явно видим из некоторых песен не только скандинавских, но и сербских и русских, где людям загадывают загадки вещицы вилы и русалки» [Буслаев 1861].

Загадка, изначально призванная помочь человеку понять устройство мира, со временем превратилась в забаву. Ее роль стала заключаться в упражнении на сообразительность, развитии абстрактного мышления, сближении людей и даже в состязании. Позже загадку использовали как инструмент образования и начиная с XX века активно внедряли по всему миру

сначала в школах, а потом и в детских садах. При этом представляется, что в конце XX – начале XXI вв. наблюдается спад интереса к жанру загадки и загадке как игре. Так, все обнаруженные нами крупнейшие сборники народных загадок приходятся на середину-конец XX века. В более поздних сборниках появляется все больше авторских загадок для детей или написанных самими детьми. По своей структуре и сложности эти загадки немного проще тех, что были XVIII–XIX вв., текст которых намного длиннее, а метафоры намного более развернутые и замысловатые.

Д.К. Зеленин считал, что народные загадки связаны с тайной речью [Зеленин 1929: 143]. В связи с этим функцией загадки было тренировать молодежь в усвоении иносказательной речи, которой пользовались, например, рыбаки, охотники, скотоводы и торговцы. Близость к тайной речи — важный элемент текстов загадок, сохранивших отголоски древних мифологических представлений, магических действий и функционально отражающих испытания обряда инициации [Баканова 2023: 159].

По убеждению древних людей мир природы был живым: в лесах обитали различные существа, которые нередко вредили людям, и животные понимали язык человека [Махмутов 2014: 7]. В связи с этим человеку было необходимо пользоваться иносказательной речью, чтобы обмануть вражеские силы: например, во время охоты оружия, животные, природные явления назывались другими именами.

Однако вскоре — с развитием трудовой деятельности — человек смог отчасти «разгадать» и подчинить себе природу, и необходимость в использовании тайной речи начала пропадать. Как утверждает В.В. Митрофанова, «возникшие на заре человеческой истории прекрасные метафорические выражения становятся непонятными, забываются, сохраняются только в качестве пережитка» [Митрофанова 1978: 31]. Тогда как ранние загадки были заняты вопросами о бытии и устройстве мира, то в более поздних мы встречаем тематику мира повседневности — предметов быта и одежды, пищи. Загадка перестала быть таинственным метафорическим

выражением, используемым кругом лиц, и стала более популярной, попутно упростившись и взяв на себя новую роль забавы для времяпрепровождения.

Несмотря на это, в загадках по-прежнему сохраняется универсальная потребность человека ставить вопросы о мироустройстве и получать на них ответы, что вызывает интерес к исследованию загадок в разноструктурных языках, в нашем случае, на испанском, русском и татарском языках.

Таким образом, в этой части работы нам предстоит изучение загадки как отражения мира повседневности и жизненного опыта человека; анализ различных определений загадок. Также будет рассмотрен ряд подходов, определяющих теоретические рамки данного исследования о загадках: *филологический, лингвокогнитивный, лингвокультурологический, сопоставительный этнолингвистический подход, подход к исследованию загадок с позиции системной лингвистики.*

1.1. Загадки как отражение мира повседневности и жизненного опыта человека и различные определения загадок

Прежде чем приступить к рассмотрению теоретических подходов к изучению загадок и анализу текста загадок о мире повседневности в испанской, русской и татарской лингвокультурах, необходимо дать определение повседневности. Как писала Г.В. Жигунова, одна из проблем при определении повседневности заключается в заведомо негативных коннотациях этого термина, когда «обыденность рассматривается как «эрозия», «принижение», даже «грехопадение» истинной человеческой реальности. В этой ситуации повседневность мыслится по остаточному принципу: от всего оригинального в культурно-общественной жизни — к самому неоригинальному; от всего высокого — к низкому [Жигунова, 2015: 57]. Это мнение разделяют и другие ученые [Вебер 1990], утверждающие, что при определении повседневности нередко встречается ошибочное суждение, что повседневность есть упадок, деградация, противоположность высокой культурно-общественной жизни; что повседневность — это формальность, необходимость и рутина. Однако повседневность является неотъемлемой и обязательной частью жизни индивида и общества. Она находит отражение в повседневном опыте и повседневных практиках человека, параллельно формируя самого человека и его паттерны поведения.

Ассоциативные поля концепта «повседневность», собранные Н.Л. Чулкиной в рамках исследования мира русской повседневности, указывают на то, что русские люди, в частности молодежь, дают крайне негативную оценку концепту «повседневность». Так, негативно окрашенных лексических единиц, связанных с повседневностью, оказывается в пять раз больше, чем положительных [Чулкина 2005: 144]. Однако Н.Л. Чулкина предлагает взглянуть на эту ситуацию с другой точки зрения. Человек привык обращаться к прошлому и его артефактам посредством проведения выставок, ярмарок, создания музеев и целых телепередач, посвященных прошлому. Мы

восхищаемся предметами из прошлого или образом жизни предыдущих поколений, однако при этом негативно оцениваем нашу текущую повседневность. Таким образом, Н.Л. Чулкина предлагает взглянуть на мир повседневности «"вытащив" ее из вербальной памяти современников, но глядя на нее как бы «глазами из будущего», и, возможно, тогда она покажется менее «серой» и «надоевшей» [Чулкина 2005: 145].

Повседневность – специфический предмет исследований микросоциологии, который неразрывно связан с понятиями практики, взаимодействия и социокультурной организации обыденной жизни индивидов [Жигунова, 2015: 57]. Повседневность – это сфера человеческого опыта, характеризующаяся особой формой восприятия и осмысления мира, возникающей на основе трудовой деятельности. Повседневность является «высшей реальностью», оказывающейся основой, на которой формируются все прочие миры опыта [Шюц 1988: 130-137]. Повседневность включает в себя обыденные практики человека, которые продиктованы его личным опытом или опытом социума в целом. Эти практики могут быть связаны с бытом, семьей, работой, отдыхом, покупками, т.е. ежедневными задачами и операциями, которые почти все люди делают автоматически, однако все же осознанно – исходя из опыта, проб и ошибок, писанных и неписанных законов. Эти практики, как утверждает Г.В. Жигунова, подчинены удовлетворению человеческих потребностей, что является главной функцией повседневности [Жигунова, 2015: 58].

Повседневная жизнь, будучи рутинной, повторяющейся, отрегулированной, для отдельно взятого индивида состоит из множества типичных ситуаций или типичных паттернов поведения. Таким образом, мы типизируем повседневный мир и из всех типизированных образцов выбираем для себя подходящие нам, или «релевантные» установки. Например, это может быть связано с тем, как человек одевается в холодную погоду, или с тем, какую еду он готовит для праздничного стола по случаю дня рождения.

Весьма интересным для данного исследования представляется утверждение социолога П. Бергера о том, что личный мир организован в терминах обычного вопроса о погоде, осенней лихорадке и т.д.: «Я знаю, что делать по отношению ко всем этим другим людям и ко всем этим другим событиям в рамках моей повседневной жизни» [Бергер 1995: 75]. В изучаемых нами загадках мы видим отражение повседневности испанцев, русских и татар: начиная с того, какую роль в жизни человека играли небесные светила или природные явления, какие продукты человек чаще всего употреблял в пищу, и заканчивая тем, какую одежду и по какой причине человек носил. Попытки структуризации повседневности, понимания и принятия законов, по которым функционирует окружающий мир, мы можем наблюдать в загадке о солнце и луне:

*Золот хозяин – на поле;
Серебрян пастух – с поля*
[Митрофанова 1972: 48].

Или в загадке о солнечном луче:

*Apenas se la ve entrar
Y la casa ha de llenar*
[Garfer, Fernández 1994: 50].

Только успеет зайти,
А дом уже им наполнен.

В стремлении реконструировать логику, по которой родилась данная загадка, мы пришли к выводу, что в повседневной жизни, или в нашей «повседневности», и мы сталкивались с ситуациями, когда из-за туч появлялось солнце, и мы тотчас подумали о том, что совсем скоро солнечный свет наполнит помещение и можно будет выключить искусственное освещение. Так, можно утверждать, что человек на основе накопленного опыта понимает, что с точки зрения природной солнце является естественным

источником света для Земли, а с точки зрения культурной – источником света, жизни и энергии.

Таким образом, универсальным свойством загадки является ориентир на мир повседневности [Остолопов 1971: 213]. В загадках о природных явлениях мы видим то, как человек воспринимал повседневные природные процессы или явления и пытался структурировать и систематизировать свои знания об окружающем мире. В загадках о пище и одежде мы видим, какую роль продукты питания и предметы одежды играли в жизни человека. Эти загадки связаны с рутинными практиками, важными для выживания и комфорта. Они демонстрируют, как обыденные вещи приобретают символическое и культурное значение, а также отражают уклад жизни, бытовую культуру, мировоззрение.

Литературоведческое понимание загадки трактует ее как «иносказательное поэтическое воспроизведение какого-либо предмета или явления, испытывающее сообразительность отгадывающего; жанр фольклора» [Литературный энциклопедический словарь 1987: 109].

В.И. Даль определял загадку как «что-либо загадочное, сомнительное, неизвестное, возбуждающее любопытство; иносказание или намеки, окольная речь, обиняк; краткое иносказательное описание предмета, предлагаемое для разгадки» [Даль 2008: 506]. Современное понимание загадки приблизительно такое же: «краткое иносказательное описание какого-либо предмета или явления, которое нужно узнать, разгадать» [Новейший большой толковый словарь русского языка 2008: 316]. Композиция загадки универсально включает связанные между собой вопрос и ответ и подразумевает двух участников, в роли которых может выступать не одно лицо, а коллектив.

Согласно гипотезе М.Л. Ковшовой и О.С. Орловой, загадка представляет собой «комплексный словесный знак, который с игровой целью намеренно разделен на две части – на денотат и его образное описание. Пропозитивная формула загадки: «S — это P», где S — исходный денотат (загаданный референт); P — преобразованный денотат» разделена на загадочную часть

(образ) и отгадку (денотат), однако если в начале эти две части загадки нарочито разделяются, то в конце они воссоединяются [Ковшова, Орлова 2020].

Сопоставление термина «загадка» в испанском, русском и татарском языках не выявляет полной эквивалентности. В испанской традиции различают загадки в прозе, для которых используется термин *acertijo* (от исп. глагола *acertar* – отгадывать, разгадывать), и рифмованные загадки, обозначаемые лексемой *adivinanza* (от исп. глагола *adivinar* – угадать, догадаться) [Garfer, Fernández 1994: VII]. Также любопытно и то, что в крупном сборнике испанских загадок XVI–XX вв. загадки ранних периодов (XVI–XVII вв.) называются словом *enigma*, что переводится не только как загадка, но и тайна, секрет. Также первые загадки на испанском языке назывались попросту *pregunta* (с исп. вопрос) и не делились на тематики, поэтому в сборнике мы встречаем пронумерованный список вопросов. Что нам кажется еще более интересным, в сборнике вслед за вопросами мы видим развернутые ответы автора (с исп. *respuesta del autor*) с реконструированием логики загадки, объяснением метафор. К некоторым загадкам в сборнике дается «решение» (на исп. *solución*).

Изображение 1

23
La pregunta siguiente envió don
Pedro de Córdova, corregidor de
Toledo, al autor para que respondiese:
la qual primero fue enviada a una
monja sobre unos tiestos de albahaca;
y dicen ellos a la monja:
Señora, somos hermanos
criados en religión,
estando frescos, lozanos
salimos de vuestras manos
dejada la profesión.
Como mozos y livianos
quebrantamos la clausura;
y agora viejos, ancianos,
marchitos, secos y canos
volvemos por sepultura.

Respuesta del autor
Digo que estos dos hermanos
dos albahaqueros son,
que una monja con sus manos
crió verdes y lozanos
dentro de su religión.
Preséntolos muy ufanos
con mucho olor y frescura,
y después secos y vanos
dicen volver a sus manos
para guardar su clausura.¹

Enigma 7 de Sylvano
Del ave volando
y más voceando
la fuerza quitada
y después cortada
Hace bien y mal
el falso y leal
se prevale de ella
y pega tal pella
que no hay igual.

Solución 7 (El ganso)
El ave es el ganso que voicea mucho, sus
fuerzas son las plumas de sus alas, las cuales
cortadas se escribe de ellas bien y mal, y a
veces se hace con ella peor pella (pelota o
defraude) que la que de lodo se echa en la cara.

Русское слово «загадка» восходит к индоевропейским этимонам «предполагать», «подозрение», «загадка» [Фасмер 1964: 381] и к понятию «гадать».

Пытаясь приблизиться к разгадке генезиса загадки на русском языке, Ф.И. Буслаев одним из первых обратил внимание на замысловатость вопросов в «Голубиной книге», которая датируется концом XV — началом XVI вв. В нем повествуется о происхождении мира в вопросно-ответной форме.

Однако стих о Голубиной книге едва ли можно отнести к загадке, поскольку, как пишет В.В. Митрофанова, русские народные загадки подобными вопросами не заняты — в них мы находим вопросы о происхождении лишь видимых объектов (например, звезд, неба, светил) [Митрофанова 1978: 9].

Первые документальные свидетельства о термине «загадка» и о загадке как самостоятельном жанре относятся к более позднему периоду — XVII веку [Митрофанова 1978: 6]. В то время жанр загадки подвергался осуждению со стороны церкви и назывался душегубительным. Так, в «Памяти» Верхоутского воеводы Рафа Всеволожского говорилось: «... и многие человецы неразумьем веруют в сон, и в встречу, и в полаз, и в птичий грай, и загадки загадывают и сказки сказывают небылые, и празднословием и смехотворием и кощунанием души свои губят» [Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею 1842].

Если в XVII веке появляются первые печатные сборники русских народных загадок, то самым активным периодом с точки зрения сбора, изучения загадок и публикации сборников являются конец XIX–XX вв. В 1876 г. Д.В. Садовников издает более полный сборник русских народных загадок, в которой предлагает свою систему расположения материала по тематике отгадок. Стоит отметить, что в данном исследовании мы также руководствовались данным подходом, отобрав испанские, русские и татарские загадки по тематике отгадок.

Тогда как наблюдается прорыв в сборе и исследовании русских загадок, татарские загадки лишь начинают в небольшом количестве появляться в письменных трудах. Татарским аналогом русской лексемы «загадка» является «*табышмак*» [Русско-татарский словарь 2014: 64], образованное от слова «*табыш*» – «находка». Первые рукописные «*табышмаки*» появляются позже испанских и русских загадок, в середине XIX — начале XX века. Этот период ознаменован возникновением в Урало-Поволжье просветительского движения. Одними из основателей этого движения являются преподаватели Неплюевского кадетского корпуса в Оренбурге М.И. Иванов, С.Б. Кукляшев и М.М. Биксурин, которым принадлежат исследования татарского, башкирского и казахского языков и их грамматики, в том числе в сравнении с русским языком. Одной из задач хрестоматий был отбор культурно значимых произведений фольклора и литературы. Отсюда интерес М.И. Иванова и С.Б. Кукляшева к фольклорным жанрам. В «Татарской хрестоматии» М.И. Иванова, вышедшей в 1842 г., встречаются «128 крылатых выражений, пословиц и поговорок, 71 песня-четверостишие и 34 загадки» [Вильданов, Кунафин 1981: 40].

Таким образом, мы видим, что несмотря на отсутствие эквивалентности в сопоставлении термина «загадка» в испанской, русской и татарской лингвокультурах, загадка как языковой знак, разделенный на две части – образ и отгадку (денотат) – является универсальным семиотическим образованием и встречается в фольклоре всех трех исследуемых в диссертации лингвокультур.

1.2. Филологический подход к исследованию загадок

Филологический подход предполагает учет связей между языком, текстом и *homo loquens* как объектами филологии даже при рассмотрении одного из них (в целом или в каких-то отдельных проявлениях). Тем самым предмет изучения рассматривается не в изолированном виде, а в его взаимодействиях с другими [Чувакин 2011: 190-191].

При подготовке к исследованию нами была собрана авторская картотека из текстов загадок о мире повседневности на испанском, русском и татарском языках. В рамках анализа загадок с точки зрения филологического подхода нами рассматриваются загадки как результат деятельности *homo loquens*, их поэтический строй, лексика и семантика, использованные в них художественные приемы (метафору, антитезу, рифму, диалог, игру слов).

Загадка является сущностью в устном или письменном виде, в которой в вопросно-ответной форме ставятся вопрос или задача. В процессе загадывания и отгадывания всегда принимают участие как минимум два субъекта – тот, кто задает вопрос, и тот, кто предпринимает попытку ответа на него. Говоря о художественной структуре загадки, мы в первую очередь будем рассматривать текст загадки, несмотря на то, что генезис загадки берет начало именно в устной традиции.

Рассматривая художественную структуру текста загадки, следует отметить, что загадка может быть стихотворной – с рифмой, ритмом – или прозаической, т.е. в виде короткого вопроса, утверждения или небольшого рассказа. Из проанализированных нами текстов загадок на испанском, русском и татарском языках мы пришли к заключению, что самыми протяженными и стихотворными являются испанские загадки, в частности XVIII-XIX вв. В качестве примера рассмотрим следующую загадку о солнце:

*Dicen que soy rey,
Y no tengo reino;*

Говорят, что я король,
Но у меня нет королевства.

Dicen que soy rubio

Y no tengo pelo;

Afirman que ando

Y no me meneo;

Arreglo relojes

Sin ser relojero

[Garfer, Fernández 1994: 53].

Говорят, что волосы мои
светлые,

Однако у меня их нет.

Утверждают, что я хожу,

Но я неподвижен.

Я настраиваю часы,

Не будучи часовщиком.

С точки зрения языковых особенностей текстов загадок, любопытно выявление случаев использования архаизмов, просторечий, метафор. Поскольку в основе загадки лежит метафора, неудивительно, что в загадках каждой из трех лингвокультур встречается немало случаев использования различных метафор – зооморфных, антропоморфных, религиозных, мифологических, вестиментарных и др. Так, например, во всех трех рассматриваемых лингвокультурах солнцу и луне приписываются свойства драгоценных металлов – золота и серебра. В загадках о явлениях природы и небесных светилах нами было обнаружено наибольшее количество зооморфных и антропоморфных метафор. Так, в испанских загадках луна сравнивается с красивой девушкой, в русских загадках – с мерином и пастухом, а в татарских – с хлебом. Солнце в испанских и русских загадках предстает в образе короля и «золотого хозяина», соответственно.

Как утверждает А.В. Баканова, испанские загадки могут отражать религиозную традицию и представления, связанные со смертью [Баканова 2023: 160]. В этой связи любопытно неоднократное обращение в испанских загадках к образу Бога, чего мы не встречаем в текстах русских и татарских загадок. Например, в загадках про пшеницу (*“No soy Dios ni pienso serlo... Soy tan Dios como Dios Padre”* / «Я не Бог и не желаю им стать... Я становлюсь таким же Богом, как Бог Отец») и дождь (*“No soy Dios, y sin ser Dios, Como al mismo Dios me esperan”* / «Я не Бог, но меня и без этого ждут как самого Бога»). По мнению Т.Г. Бочиной, именно метафорический образ тесно связан с

особенностями мировидения народа, является лингвокультурным маркером и отражением этнического своеобразия концептуализации и категоризации действительности [Бочина, 2023: 8].

В загадках о природных явлениях мы встречаем антитезу. В испанских загадках день предстает в образе белой курицы, а ночь – черной (*Una gallina blanca Desparra los pollos; Pero llega la negra Y los junta todos*/ Белая курица Разбрасывает своих цыплят; Чёрная курица Их собирает.); в русских загадках ночь сравнивается с черной коровой, а день – с белой (Черная корова всех людей поволола, А белая встала, всех поподымала). В татарских загадках ночь и день выступают братьями, но все же разными – ночь является «черным» братом, а день – «белым» (*Ике туган: Берсе ак булган, Берсе кара булган*/ Их два брата: Один получился белым, А другой – черным). Также примечательно, что в одной из испанских загадок про солнце и луну небесные светила предстают существами разного пола (солнце – мужчиной, а луна – женщиной), антиподами и даже называются «заклятыми врагами».

Особый филологический интерес представляет ряд испанских загадок, основанных на игре слов. Примечательно, что подобных загадок о мире повседневности не было найдено среди традиционных русских и татарских загадок. Например, в загадке про соль (на исп. *sal*) загадываемый денотат сравнивается с образом собаки, что в данном случае логически не имеет никакого смысла. Однако в тексте загадки собаке кричат *sal aquí* (здесь – «подайте соль»). Слово *sal* с испанского переводится и как «соль», и как повелительный глагол 2 лица единственного числа «выйди».

Похожую игру слов наблюдаем в загадке о креветке. В ней креветка от первого лица говорит, что зовут ее *Aron*, а ее кровать (на исп. *cama*) находится в воде (*Mi cama tengo en el agua, Capitán de antiguo soy; Aron me llamo en el mundo, Adiviname quién soy*). Таким образом, мы можем догадаться, что загадываемым объектом является креветка – *camarrón*. В загадке про помидор предлагается «выпить чай» (на исп. *toma té*), что созвучно со словом *tomate* –

помидор, томат. В загадке про водку (на исп. *aguardiente*) в первых двух строчках загадки скрыты части слова *aguardiente* – *aguar* и *diente*.

Загадки о рисе, найденные только в испанских сборниках загадок и лакунарные в русской и татарской лингвокультурах, строятся на использовании в тексте загадки зеркальной анаграммы (*¿Cuál es el vegetal Que, leído al revés Resulta un animal?*). В ней загадывается «растение, прочтение которого наоборот даст название животного». Здесь растение – *arroz* (с исп. рис), а животное – *zorra* (с исп. лиса).

Таким образом, часть испанских загадок избегает сложных концептов, метафор и использования логики в целом, при этом остается в рамках игры, в первую очередь нацеленной на лингвистическую подкованность, гибкость ума и внимательность отгадывающего.

Что касается типа повествования, то среди испанских загадок мы наблюдаем наибольшее количество загадок от первого лица, где вопрос ставится самим загадываемым объектом. Например, в загадках о солнце (*“Dicen que soy rey”* / «Говорят, что я король»), о тени (*“Procedo de sol y luna, Y a ambos no puedo ver”* / «Меня порождают солнце и луна, Но я их не вижу») и др. Однако следует отметить, что похожие загадки от первого лица крайне редки в татарской и русской лингвокультурах. Среди русских загадок подобное повествование встречается в небольшом количестве традиционных народных загадок (например, в загадке о чае – «Свили меня, Спеленали меня, И бросили в Китай-город») и чаще в современных загадках (например, в загадке о луке – «Я вырос на грядке, Характер мой гадкий: Куда ни приду, Всех до слез доведу»). Татарским примером такой загадки является загадка про лапшу («*Минем ялгызымны ашамыйлар, Эмма миннэн башка татарга аш булмый*» / «Меня не едят отдельно, Но без меня татарин супа не сварит»).

Немногочисленны загадки-вопросы, в которых обращаются напрямую к отгадывающему. В основном они встречаются в испанской лингвокультуре, а примером может служить интересная и уникальная загадка о голоде, которую мы решили включить в данную работу:

*Adivina, adivinanza,
¿Cuál es el bicho que te pica en
la panza?*
[Santana 1992: 113].

Вот тебе загадка:
«Что за насекомое кусает тебя
в живот?»

Поскольку большинство загадок из нашей картотеки датируются XVIII-XX вв., в них мы встречаем архаизмы, однако стоит отметить, что их не так много.

*Ходит без ног,
Рукава – без рук,
Уста без речи*
[Русский фольклор 2007: 307].

*Reondo, reondo,
Se jase con leche,
Se come con pan*
[Santana 1992: 116].

Круглый-прекруглый,
Делается из молока,
А едят его, как хлеб.

Так, в русской загадке о тени мы встречаем архаизм «уста». В испанской загадке о сыре выделяется архаичная форма глагола *hacerse* (с исп. «делаться», «изготавливаться») – *jaserse* (здесь в форме 3 л. ед.ч. – *se jase*):

1.3. Лингвокогнитивный подход к исследованию загадок

Согласно Е.С. Кубряковой, когнитивистика изучает такие сложнейшие феномены человеческого бытия, как восприятие мира и отражение воспринятого в голове человека, а также строение мозга, устройство памяти и организацию когнитивных способностей человека, в том числе языковой способности [Кубрякова 2004: 41]. Когнитивная наука занимается человеческим разумом и мышлением и теми ментальными процессами и состояниями, которые с ними связаны. Ее предметом является когниция – познание и связанные с ним структурные процессы [Радбиль 2018: 13]. Когнитивная наука является междисциплинарной и соприкасается с лингвистикой, психологией, социологией.

Когнитивная лингвистика – направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации и в трансформации информации [Радбиль 2018: 13].

Как утверждал В. фон Гумбольдт, «каждый язык имеет ... свои способы формирования мысли, в соответствии с которыми преобразуются содержание и результаты мыслительной деятельности человека, изучающего язык как свой родной, весь запас его впечатлений в том числе индивидуально приобретенных, его опыт и знание мира» [фон Гумбольдт, 1984: 80]. Когнитивный подход в лингвистике исследует язык как средство представления и организации знаний в человеческом сознании. Такой подход исходит из идеи, что язык тесно связан с мышлением и отражает когнитивные процессы, такие как восприятие, категоризация и интерпретация мира. Когнитивный подход сосредоточен на том, как человек структурирует информацию и строит ментальные модели через язык.

Как справедливо отмечал Ханс-Георг Гадамер, человек использует язык как орудие и выражает с его помощью все то, что для него вообще есть *мир* [Гадамер 1988: 511]. В языке и с помощью языка выражаются все знания и

представления человека о мире, а также все те концепты, которые составляют его концептосферу. Для понимания структуры концептосферы необходимо дать определение основной его единице – концепту. Концепт является неким фрагментом знания, оперативной содержательной единицей памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике [Кубрякова, Демьянков, Панкрац 1996: 90]. Концепт – это своего рода посредник между языком (словами) и экстралингвистическим или материальным миром (предметами, явлениями). И поскольку концепт, в отличие от понятия, является не просто совокупностью познанных признаков предмета, а ментально- и культурно-специфическим образованием, планом содержания которого вся совокупность знаний об объекте, а планом выражения – совокупность языковых средств [Малхазова 2015: 136], то концепты будут различаться от культуры к культуре.

Концепты являются основополагающими элементами концептосферы и этнокультуры. По мнению Ю.С. Степанова, концепты, в отличие от понятий, не только мыслятся, понимаются, но и переживаются, имеют эмоциональную окраску; в них может быть заключена некая борьба, симпатия или антипатия [Степанов 2001: 43]. Этому же мнению придерживается и Л.Л. Нелюбин, который говорит о том, что концепт стоит рассматривать как смысл слова, который не только мыслится, но и переживается [Нелюбин 2003: 151]. По мнению Д.С. Лихачева, многократное обращение к нему [концепту – прим. автора] способствует формированию ассоциативного поля, границы которого в сознании субъекта определяются «культурной памятью», причастностью к духовной традиции» [Лихачев 1993: 10].

Концепт соответствует обыденному знанию и формируется не только на основе логики и отражает существенные признаки предметов или явлений действительности, но посредством эмоционального, сенсорного, культурно и этнически маркированного восприятия.

Когнитивно-культурологический подход к исследованию загадки предполагает сделать акцент на способах категоризации и концептуализации

мира в загадке, на формах воплощения в этом знаке разных типов информации [Ковшова, Орлова 2020: 72]. Опираясь на исследования М.Л. Ковшовой и О.С. Орловой, образ (или преобразованный денотат) демонстрирует культурно маркированный взгляд на мир, а прежде всего – на предметы материального мира [Ковшова, Орлова 2020: 72]. Справедливо будет сказать, что в данной работе нами рассматриваются не сами явления природы, продукты питания и пища, предметы одежды и быта, а концепты явлений природы, пищи и предметов одежды, а значит и культурное, этническое, историческое, эмоциональное восприятие этих концептов.

1.4. Лингвокультурологический подход к исследованию загадок

Американский лингвист Э. Сепир утверждал, что содержание всякой культуры может быть выражено с помощью ее языка, и не существует таких элементов языкового материала, которые не символизировали бы никакого реального значения [Сепир 1993: 226].

В.И. Постовалова, в свою очередь, пишет, что «язык ... есть универсальная форма первичной концептуализации мира, выразитель и хранитель бессознательного стихийного знания о мире, историческая память о социально значимых событиях в человеческой жизни. Язык – зеркало культуры, отображающее лики прошедших культур, интуиции и категории миропредставлений» [Постовалова, 1999]. Если язык, его природу и функцию исследует языкознание, то отношения человека с культурой, историей, обществом, искусством, природой исследует культурология. И поскольку язык и культура неразрывно связаны, и проблема их взаимосвязи давно находится в центре внимания ученых-лингвистов, на стыке языкознания и культурологии возникла лингвокультурология – отрасль лингвистики, которая изучает проявление культурного, исторического и социального опыта народа или этноса в языке.

Лингвокультурология таким образом является комплексной научной дисциплиной синтезирующего типа, изучающую взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка [Воробьев, 2006: 36]. Она изучает процесс осмысления и отражения в национальном языке элементов материальной и духовной культуры народа [Кошарная, 2002: 24].

Согласно концепции В.Н. Телия, лингвокультурология изучает живые коммуникативные процессы в их синхронной связи с этническим менталитетом, действующим в данную культурную эпоху [Малхазова 2015: 135].

Лингвокультурологический подход дает возможность исследовать загадки как отражение уникального мировосприятия и культурных ценностей

того или иного народа. Будучи частью фольклора, загадки включают в себя не только языковые, но и культурные особенности, характерные для разных этнических сообществ. В образной части загадки мы встречаем не прямое видение денотата, а его стереотипное и категоризированное видение [Ковшова, Орлова, 2020: 72]. В этом преобразованном денотате закодированы культурно маркированный взгляд на мир, культурно маркированная лексика, а также другие фрагменты информации (использование тех или иных артефактов, особенности мироощущения, взаимодействия с природой, устройства быта). Таким образом, можно сказать, что в загадке загадывается нечто большее, чем просто объект или явление из окружающего нас мира – в ней мы находим образное восприятия этого мира, особенности понимания мироустройства, законы поведения и жизни человека, продиктованные культурой и историей.

Для того, чтобы разгадать, или декодировать, загадку, необходимо смоделировать логику ее кодирования, т.е. сформировать в сознании один или даже несколько возможных образов денотата, прибегнуть к стереотипизации и метафоризации загадываемого объекта. Так, например, для отгадывания татарской загадки «*Ярты телем ипи, Бөтен дөнъяга житкән* / Половинки хлеба хватило на весь свет» [Махмутов 2014: 21], нам необходимо реконструировать логику загадывания, которая должна репрезентировать особенности национального мышления и национальной культуры. Можно задаться вопросом, почему на весь свет хватило лишь половинки, а не целого хлеба. После этого мы можем представить себе масштабы объекта, лишь половинки которого должно хватить на весь свет, и прийти к логическому умозаключению, что речь идет о небесном объекте. Небесные тела видятся нам круглыми, соответственно, нам загадывается половинка круглого хлеба. Денотатом данной загадки является «месяц», т.е. неполная луна, которая внешне напоминает половинку круглого хлеба. Здесь важно отметить, что носителям татарской культуры, вероятно, воссоздать всю эту логическую цепочку и прийти к отгадке будет легче, чем, например, испанцам, поскольку полумесяц является символом ислама и означает начало лунного месяца по

исламскому календарю, а поэтому является очень близким и знакомым образом. Помимо этого, национальный татарский хлеб и татарская выпечка имеют круглую форму, поэтому представляется, что татарам связать фрагменты информации про половинку круглого хлеба и полумесяц на небе, который освещает весь мир, будет значительно легче, чем человеку, незнакомому с татарской культурой.

Как справедливо отметил Г.О. Винокур, всякий языковед, изучающий язык данной культуры, тем самым становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык [Винокур, 1959: 211].

Таким образом, в данной работе предлагается лингвокультурологический анализ с соответствующим комментированием загадок на испанском, русском и татарском языках.

1.5. Сопоставительный этнолингвистический подход к исследованию загадок

Этнолингвистика – отрасль лингвистики, изучающая не только отношения между языком и культурой, но также особенности восприятия мира различными этническими группами. Как утверждали Н.И. Толстой и С.М. Толстая, для этнолингвистики «существенно рассмотрение не только и не столько отражения народной культуры, психологии и мифологических представлений в языке, сколько конструктивной роли языка и его воздействия на формирование и функционирование народной культуры, народной психологии и народного творчества [Толстой, Толстая 2013: 25]. Объектом этнолингвистики являются компоненты языка как в письменной, так и устной форме.

Говоря о связи лингвокультурологии и этнолингвистики, В.А. Маслова выражает мнение, что тогда как лингвокультурология имеет более глобальный характер исследования, рассматривая исторические и современные языковые факты сквозь призму духовной культуры, этнолингвистика оперирует преимущественно исторически значимыми данными и фактами того или иного определенного этноса [Маслова, 2004]. Таким образом, несмотря на схожесть лингвокультурологического и этнолингвистического анализа, этнолингвистика может быть испанской, русской и татарской, поскольку рассматривает вопросы отношения между языком и испанским, русским и татарским этносами, тогда как лингвокультура не может быть национальной – она находится вне национального и над национальным.

Дадим краткую этноспецифическую характеристику рассматриваемых лингвокультур.

Современная испанская лингвокультура является синтезом иберийских, греческих, романских, семитских черт и самобытным полиэтническим средиземноморским пространством. Официальным языком Испании является испанский, но в отдельных регионах страны статус официального имеют также каталанский (валенсийский), галисийский и

баскский. При этом подавляющее большинство граждан Испании, родной язык которых не является испанским, являются билингвами, владеющими испанским языком.

Русскоязычная лингвокультура имеет исконные восточнославянские корни и является уникальным синтезом контактов различных народов и языков. Русская лингвокультура охватывает лингвокультуру этнических русских, а также представителей других этносов Российской Федерации. Например, и билингвов, к которым татары как один из наиболее многочисленных этнических сообществ России относятся в первую очередь.

Татары являются вторым, после русских, численно преобладающим этносом Российской Федерации [Михальченко 2015: 17; Региональное языковое сознание коми, русских, татар 2017: 34]. Этногенез татар остается одной из интереснейших и не решенных задач [Татарская нация 2002]. Топоним «Татарстан» образован от титульного названия этноса и тюрко-иранского слова «стан» в значении «страна». Как справедливо пишет Р. Теляшов, «история взаимоотношений татар и русских – это значительная, громадная, очень важная часть общей истории России и ее коренных народов [Теляшов 2014: 11; см. также: Хусаинова 2008]. Этнологам хорошо известно высказывание Льва Гумилева: «Татары – народ не рядом с нами, они внутри нас, они в нашей крови, нашей истории, нашем языке, нашем мироощущении» [Цит. по: Еникеев, 2013: 5]. Татарские заимствования широко представлены в русском языке [Еникеев 2013: 234–239]. Как показывает анализ языковой ситуации в Республике Татарстан, говорить о том, что двуязычие стало нормой жизни для населения Татарстана, пока рано [Региональное языковое сознание коми, русских, татар 2017: 42].

Русский и татарский этносы образуют органичную часть России как полиэтнического государства и часть русофонного пространства Российской Федерации. Естественная среда традиционного обитания этноса, национальная риторическая традиция придают загадке, или «загадочному тексту», по В.Н. Топорову, этнокультурную специфику. Возникнув как

сакрально-обрядовые знаки, загадки становятся анонимными фольклорными текстами, приобретают свойственные фольклору противоречия, в том числе, противоречия фольклора с самим собой [Пропп 1976: 28]. Поэтика загадок сопряжена с игровой, обучающей, воспитательной функциями в лингвокультуре, которая понимается нами, вслед за В.В. Красных, как воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых процессах культура [Красных 2010].

Этнолингвистический анализ текста загадок позволяет более детально раскрыть сходства или различия между испанским, русским и татарским мировосприятием. Так, имея представления об испанском, русском и татарском этносах и культуре этих этносов, можно построить гипотезу о том, что текст загадок каждой лингвокультуры будет окрашен этноспецифически. Сам этнолингвистический анализ текстов загадок на испанском, русском и татарской языках, а также выводы приводятся во второй, третьей и четвертой главах данной работы.

1.6. Подход к исследованию загадок с позиции системной лингвистики

В самом общем виде задача системной типологии направлена на создание целостной лингвистической картины, которая раскрывала бы природу языка и языкового типа [Красина, Перфильева: 124]. Согласно системной типологии Г.П. Мельникова, языки делятся на флективные (испанский, русский) и агглютинативные (татарский), что определяет их семантику и способы передачи смысла. Как отмечается в работе Г.П. Мельникова, внутренняя форма флективных языков ориентирована на представление номинативного смысла через канон развивающегося события, что ярко проявляется в структуре загадок. В агглютинативных же языках смысл формируется через последовательное присоединение морфем, что отражается в особом построении загадок [URL: https://www.philol.msu.ru/~lex/melnikov/meln_syst/gl4.htm#p9]. Дадим краткое описание событийной и признаковой детерминант.

Событийная детерминанта присуща языкам, где основное внимание сосредоточено на описании действий, процессов и событий. Грамматические структуры таких языков ориентированы на передачу динамики, последовательности и характера происходящих событий. Это выражается через развитые системы глаголов, временных форм и аспектов, позволяющих точно передавать информацию о действиях и их временных характеристиках. Как писал Г.П. Мельников, «канон внутренней формы языков флективного типа, наиболее последовательно выдерживаемый славянскими языками, а среди славянских – русским, заключается в наличии тенденции по возможности любое сообщение представлять через внешнюю форму канонического предложения, номинативный смысл которого вписывается в такой канон внутренней формы, как образ развивающегося события. Поэтому смысловые поля русских лексем, вещественные и грамматические значения морфем, синтаксические связи между словоформами предложения и т.д. — всё это обусловлено потребностью дать слушающему возможность без труда

догадаться, образ какого развивающегося события имел в своём замысле говорящий» [URL: https://www.philol.msu.ru/~lex/melnikov/meln_syst/gl4.htm#p9].

Во флективных языках загадки строятся как события, что соответствует канону внутренней формы этих языков. Испанские загадки, сохраняя флективную природу, часто используют развернутые описания событий, как, например, в загадке про лёд *"En el cielo nació, en el agua me críe, en la tierra me ven, y en el fuego me tuero"* («В небе родился, в воде вырос; Видят меня на земле, а умираю я в огне»). Русская загадка «Висит груша — нельзя скушать (лампочка)» демонстрирует характерное для флективных языков расчленение на тему («висит груша») и рему («нельзя скушать»), где номинативный смысл представляет собой целостный динамический образ. Как подчеркивал Г.П. Мельников, во флективных языках «внешняя форма предложения оказывается на уровне слов и связной, и целостной» [URL: https://www.philol.msu.ru/~lex/melnikov/meln_syst/gl4.htm#p9]. Это хорошо видно в другой русской загадке: «Без окон, без дверей — полна горница людей» (арбуз), где через противопоставление признаков создается завершённый событийный образ.

Признаковая детерминанта характеризует языки, где основное внимание уделяется описанию качеств, признаков и состояний объектов. В таких языках грамматические структуры направлены на детальное выражение свойств и характеристик предметов или явлений. Это проявляется в развитых системах прилагательных, качественных глаголов и других средств, позволяющих точно описывать признаки. В агглютинативном татарском языке, согласно принципам системной типологии, «группа коммуникативной темы и группа коммуникативной ремы формируются как два самостоятельных наименования» [URL: https://www.philol.msu.ru/~lex/melnikov/meln_syst/gl4.htm#p9].

Таким образом, анализ загадок через призму системной типологии не только подтверждает основные положения теории Г.П. Мельникова о

различиях между флективными и агглютинативными языками, но и демонстрирует, как эти различия проявляются в фольклорных текстах. Флективные языки создают целостные событийные образы через расчлененную структуру, в то время как агглютинативные строят смысл через последовательное присоединение морфем, что отражает фундаментальные различия в их внутренней форме.

Для того, чтобы интерпретировать стратегии репрезентации образов природы, пищи и одежды в испанских, русских и татарских загадках нами были использованы положения Г.П. Мельникова, прежде всего положения о том, что различия в языковых коллективах, условиях общения и внеязыковом сознании обуславливают нетождественность коммуникативной функции [Мельников 2000].

1.7. Выводы по Главе 1

В Главе 1 был проведен анализ загадок как отражения мира повседневности, а также рассмотрен ряд подходов, определяющих теоретические рамки данного исследования (филологический, лингвокогнитивный, лингвокультурологический, сопоставительный этнолингвистический подход, подход к исследованию загадок с позиции системной лингвистики).

При сопоставлении определения загадки в трех рассматриваемых лингвокультурах было установлено, что оно не выявляет полной эквивалентности. Также испанская культура оказалось единственной из трех изучаемых в диссертации лингвокультур, в которой используются разные термины для обозначения загадок в прозе (*acertijo*) и рифмованных загадок (*adivinanza*).

Для дальнейшего анализа испанских, русских и татарских загадок о мире повседневности был рассмотрен концепт мира повседневности. Изучение повседневности и человеческого опыта помогает реконструировать логику, по которой рождаются загадки.

В рамках филологического подхода установлено, что структурно загадка может быть стихотворной (с рифмой, ритмом) или прозаической, т.е. в виде короткого вопроса, утверждения или небольшого рассказа. Также примечательно использование в текстах загадок архаизмов, просторечий, антитез, метафор. Среди особенностей испанских загадок можно отметить обращение к религиозным мотивам.

В основе лингвокогнитивного подхода к исследованию загадок универсально лежат способы категоризации и концептуализации мира в загадке. Концепт является ментально- и культурно-окрашенным фрагментом знания человека о мире, которое отражается в любых жанрах, в том числе в загадках.

В рамках лингвокультурологического подхода нами была рассмотрена взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка. Загадки, являющиеся частью

фольклора, включают в себя не только языковые, но и культурные особенности, характерные для разных этнических сообществ. В самой загадке, а именно в образе денотата, закодированы культурно маркированная лексика и другие значимые фрагменты информации, свойственные определенной культуре.

Сопоставительный этнолингвистический подход к загадкам сочетает взаимосвязь и инструментарий культурологии, лингвистики и этнологии. Этнолингвистический анализ загадок предоставляет возможность детально проанализировать сходства или различия между испанским, русским и татарским мировосприятием, а также исследовать отражение национальной специфики языковой личности в языке.

Подход к исследованию загадок с позиции системной лингвистики Г.П. Мельникова позволяет рассмотреть тексты загадок с учетом грамматической структуры испанского, русского и татарского языков. Испанский и русский языки, будучи флективными, фокусируются на описании действий, процессов и событий в текстах загадок. Татарский язык, являющийся агглютинирующим, уделяет внимание описанию качеств, признаков и состояний объектов.

ГЛАВА 2. ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЗАГАДОК О НЕБЕСНЫХ ТЕЛАХ И ЯВЛЕНИЯХ ПРИРОДЫ

«Природа живет вечно, набухая той энергией, которую получает от Солнца и звезд нашей Галактики и радиораспада в глубинах нашей планеты», – пишет создатель пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилев [Гумилев 2019: 10]. Л.Н. Гумилев предлагает термин «этносфера»: «мозаичная антропосфера, постоянно меняющаяся в историческом времени и взаимодействующая с ландшафтами планеты Земля» [Гумилев 2019: 44].

Природа упорядочивает уровни этносферы. Если, по наблюдению В.Я. Проппа, сказок о природе относительно мало [Пропп 1976: 48–49], то приметы, суеверия, пословицы, загадки о природе представлены в словесном творчестве широко, при этом уже аксиомой стала связь пословичного фонда и загадок.

Согласно одному из основателей системной лингвистики Г.П. Мельникову, ландшафтно-климатические условия являются основополагающими в развитии языка и истории народа [Мельников 2000; Бахтикиреева, Валентинова, Рыбаков 2019: 28], что находит отражение в детерминантах типологически различных языков, связывающих воедино все уровни языка.

Вполне закономерно, что локальные природные явления, рельеф, ландшафт будут частотны в одной лингвокультуре и лакунарны в другой. Географические, исторические, социологические различия, сложившиеся производственные отношения и отношения с окружающей средой обусловили различия способов отражения действительности в испанском, русском и татарском языках.

Природа универсально связывает воедино различные уровни познания, вызывает образные ассоциации, относится к архетипическим константам мифопоэтического творчества. Загадки о природе представлены в словесном творчестве любого этноса, поэтому теоретически и практически важной представляется разработка единого этнолингвокультурологического подхода

к исследованию поэтики тематически идентичных загадок разноязычных культур.

В фольклоре трех рассматриваемых нами лингвокультур есть уникальные, неповторимые жанры. Это, например, испанские рождественские песни-вилльянско, унаследованные латиноамериканским фольклором [Чеснокова, Байо Хульве 2019], русские былины [Русский фольклор 1941: 223-263; Русский фольклор 2007: 131-200] и татарские сатирические миниатюры «мэзэк» [Веселая россыпь, 1974]. Однако загадки о природе представлены в фольклоре всех трех лингвокультур, образуя, очевидно, тематическую константу словесного творчества в целом.

Много отсылок к природе содержится в народных приметах трех лингвокультур. Сравним испанскую примету “*Cuando en el cielo oscuro hay ventanas, de llover no hay ganas*”/ Когда в темном небе видны просветы, дождя не будет» [Герценовские чтения. Иностранные языки: сборник научных трудов, 2019: 214], русскую примету «Снег глубоок – год хорош» [Русский фольклор 2007: 311] и татарскую примету «Дождь двадцать седьмого июня – / Семь недель потом дожди будут» [Устами татарского народа 2007: 106].

Образное восприятие действительности приводит к различным опорным словам-референтам при переводе паремий с денотатами-явлениями природы. Рассмотрим, к примеру, следующие русско-испанские эквиваленты констатации холода в марте, где в русской паремии, допускающей варьирование, запечатлена снижено-обиходная лексика одежды, а в испанской – упоминание важнейших христианских праздников:

Пришел марток – надевай семеро порток;

Марток- надевай трое порток

[Ушакова 2010: 7].

*En Navidad, al balcón, en
Pascua, al fogón*

В Рождество – на балкон, на
Пасху – к очагу (здесь и далее –

Для данной главы мы выбрали девять основных явлений природы (*снег* и *лед* объединены как различные агрегатные состояния одного явления), которые выступают едиными отгадками загадок в трех исследуемых нами лингвокультурах. Обобщим слова-отгадки в виде таблицы.

Таблица 1. «Обозначения небесных тел и явлений природы».

	Татарский язык	Русский язык	Испанский язык
1	кояш	солнце	sol
2	ай	луна/месяц	luna
3	кен	день	día
4	тен	ночь	noche
5	йолдыз	звезда	estrella
6	күләгә	тень	sombra
7	жил	ветер	viento
8	яңгыр	дождь/ливень	lluvia/aguacero
9	кар	снег/лед	nieve/hielo

Поскольку мировая культура является гелиоцентричной, а солнце является в ней главным символом жизни, урожая и счастья, предлагаем начать анализ загадок о небесных телах и природе с загадок о солнце.

2.1. Загадки о солнце

Во многих культурах и религиях принято считать, что солнце обладает магической силой, способной влиять на земные процессы. В нашей картотеке наибольшее количество загадок для трех лингвокультур, несмотря на их географическую удалённость, оказалось именно о солнце.

Для средиземноморского мира, к которому относится испанская лингвокультура, солнце выступает как друг и как испепеляющий враг. В испанских загадках для обозначения солнца используются антропоморфные метафоры мужчины: *hombre...hermoso* (красивый мужчина):

*Un hombre y una mujer
Grandes enemigos son
Que nunca se pueden ver
Y ambos sin descanso son.
Él es hermoso y muy bello
como el pétalo de rosa;
ella nunca puede verlo,
que es cornuda y peligrosa*
[Garfer, Fernández 1994: 543].

Мужчина и женщина
Являются заклятыми врагами.
И никогда не встречаются,
И никогда не отдыхают.
Он красив и прекрасен,
Как лепесток розы.
Но она не может его увидеть,
Потому что рогатая и опасная.

Древние славяне отождествляли солнце с мужским началом, о чем свидетельствуют имена восточно-славянских солярных божеств: Хорс, Сварог, Дажьбог. В русских загадках солнце антропоморфно предстаёт как мужчина («хозяин») и противопоставляется месяцу или луне. Смена дня и ночи с восходом солнца и заходом луны отражает «событийную» детерминанту, по Г.П. Мельникову, флективных языков, ярким представителем которой является русский язык [Мельников 2000: 74]:

*Золот хозяин – на поле;
Серебрян пастух – с поля*

[Митрофанова 1972: 48].

В следующей загадке солнце предстает сестрой, а луна – братом:

Сестра к брату в гости идёт,

Он от неё прячется

[URL: <https://multi-mama.ru/zagadki-pro-solnce/>].

В татарском фольклоре солнце предстает в разных гендерных обликах: как мужчиной и мужем луны, так и девушкой – женой луны, а солнце принято сравнивать с золотом:

Алтын китте, көмеш килде

[Махмутов 2014: 19].

Золото ушло – серебро пришло

(здесь и далее – перевод с татарского языка наш – Т.У.).

Солнечный луч в русской загадке сравнивается с пресным молоком:

Пресное молоко на пол льют, ни ножом, ни зубами соскоблить нельзя

[Русский фольклор 1941: 224].

Татарская традиция ассоциирует солнечный луч с золотым мечом:

Алтын кылыч жиргә төште,

Тавышын беркем ишетмәде

[Махмутов 2014: 16].

Золотой меч упал на землю,

Но звука никто не слышал.

Итак, золотой цвет солнца представлен во всех трех лингвокультурах.

2.2. Загадки о луне/месяце

Не менее популярными в фольклоре являются загадки про луну и месяц. В испанских загадках солнце совершенно логично сравнивается с золотом или золотой монетой, а луна – с серебряной. Однако в некоторых загадках луна предстает красивой дамой, одетой в золото:

*Una dama muy hermosa
con un vestido de oro,
siempre volviendo la cara
hacia un lado y hacia otro*

[Garfer, Fernández 1994: 49].

Красивая девушка,
Одетая в платье из золота,
Поворачивает лицо то
В одну сторону, то в другую.

В следующей загадке наблюдаем намек на появление луны на небосводе:

*Quien será será
Que de noche sale y de día se va*
[Bravo Villasante 1982: 32].

Кто же, кто же
Выходит ночью, а днем
уходит?

Согласно В.В. Маковскому [Маковский 1996: 105], индоевропейская мифологическая традиция нередко обращалась к животным, которым, в том числе, были свойственны магические способности. Как писала Е.Л. Мадлевская, «роль животных в мифологии чрезвычайно велика и определяется тем исключительным значением, которое они имели на ранней стадии развития человечества, когда люди еще не выделяли себя из ряда живых существ и не противопоставляли себя природе» [Мадлевская, 2005: 252]. Однако, по справедливому замечанию Н.И. Файзуллиной и Хан Сэывнь, не все загадки с зооформной метафорой связаны с мифологией: более ранние загадки содержат в себе элемент мифологических верований, однако в более поздних загадках зооморфная метафора скорее основывается на внешних

сходствах загадываемого денотата и животного или является выражением национальных ценностей народа [Файзуллина, Сывэнь 2023: 79]. Это использование зооморфных метафор на основе внешнего сходства денотата и животного мы увидим в первую очередь в татарских загадках про мучные изделия.

Как пишет В.В. Митрофанова, в загадках про месяц прослеживаются уподобления с такими денотатами, как бык, конь, сивка, котел, корытце, чурка, тарелка, камень [Митрофанова 1978: 46]. Добавим к этому списку такой интересный образец из нашей картотеки, как зооморфный образ мерина в загадке о месяце:

Лысый мерин под ворота глядит

[Русский фольклор 1941: 224].

Помимо этого, в комплексной загадке про ночное небо, звезды и луну, звезды загаданы как «овцы».

Поле не мерено,

Овцы не считаны,

Пастух рогатый

[Русский фольклор 2007: 307].

При диверсификации конфессиональности татар, ислам является их доминирующей религией, поэтому татарская лингвокультура уделяет особое значение полумесяцу – началу лунного месяца по мусульманскому календарю и символу ислама. При этом даже татарская детская загадка о луне содержит точную фактическую природную информацию:

На тридцатый день глупеет,

на четырнадцатый умнеет

[URL: <https://www.hobobo.ru/zagadki/tatarskie-zagadki/>].

По данным нашей картотеки, в татарских загадках, как и в русских, луна сравнивается с хлебом, а месяц – с половинкой хлеба (краюшкой):

<i>Өй артында – ак калач</i> [Махмутов 2014: 21].	Над домом висит белый калач.
--	------------------------------

<i>Ярты телем ипи</i> <i>Бөтен дөньяга житкән</i> [Махмутов 2014: 21].	Половинки хлеба Хватило на весь свет.
--	--

За бабкиной избушкой
Висит хлеба краюшка;
Собаки лают,
А достать не могут
[Русский фольклор 2007: 307].

Итак, луна и солнце в загадках трех лингвокультур оказываются антиподами, соперниками и врагами, поэтому часто встречаются в едином тексте и одновременно противопоставляются друг другу. Образы луны различны: хлеб типичен для татарской и русской лингвокультур, золото представлено в испанском материале.

2.3. Загадки о дне и ночи

Загадки про день и ночь являются достаточно редкими. В испанском и русском языках находим довольно похожие загадки про день и ночь, в которых наблюдаем зооморфную метафору с цветовым компонентом «черная корова» (исп. *vasca negra*) и «черная/белая курица» (исп. *gallina negra/blanca*):

<i>Una gallina blanca</i>	Белая курица
<i>Desparrama pollos;</i>	Разбрасывает своих цыплят;
<i>Pero llega la negra</i>	Чёрная курица
<i>Y los junta todos</i>	Их собирает.
[Gárfer, Fernández 1994: 231].	

*Черная корова всех людей поколола,
А белая встала, всех поподымала*
[Русский фольклор 1941: 220];

*Черная корова
Всех поборола,
А белая подняла*
[Русский фольклор 2007: 307].

Также в испанской загадке, рассмотренной ранее, день и ночь выступают как антиподы и условия загадки о луне:

<i>Quien será será</i>	Кто же, кто же
<i>Que de noche sale y de día se va</i>	Выходит ночью, а днем
[Bravo Villasante 1982: 32].	уходит?

Если в русской традиции ночь и день предстают врагами, то в татарской, напротив, братьями:

Ике туган:

Берсе ак булган,

Берсе кара булган

[Махмутов 2014: 18].

Их два брата:

Один получился белым,

А другой – черным.

Итак, день и ночь предстают антиподами, которым придаются признаки живого существа: зооморфного или антропоморфного.

2.4. Загадки о звездах

Звезды являются одним из самых часто используемых небесных объектов в фольклоре.

В испанских загадках звезды чаще всего сравниваются с фундуком (исп. *avellana*).

Una fuente de avellanas
Se llena y no se derrama
[Garfer, Fernández 1994: 47].

Миска наполняется фундуком,
Но он не рассыпается через
край.

Una fuente de avellanas,
Que de día se recoge,
Y de noche se derrama.
[Garfer, Fernández 1994: 47].

Миска днем наполняется
фундуком,
Но ночью не рассыпается.

Нами было найдено несколько вариаций загадок с лексемой «фундук», при этом используются различные по значению, но схожие по звучанию испанские слова: *fuelle* de avellanas (миска полная фундука), *puente* de avellanas (мост из фундука). Антропоморфный код наблюдается в испанских загадках, где небесные светила уподобляются прекрасным дамам, что можно расценивать как куртуазный код испанской лингвокультуры:

¿Qué damas bonitas
Salen por las noches
Y, al llegar la aurora,
En alto se esconden?
[Garfer, Fernández 1994: 48].

Какие красивые девушки
Выходят по ночам,
А с рассветом
Прячутся в вышине?

Примечательно, что в татарских загадках о звездах прослеживается метафора рассыпанного проса, что так же можно рассматривать как проявление признаковой детерминанты тюркских языков.

Өй башына тары сиптем
[Махмутов 2014: 22].

Над избой рассыпано просо.

В татарском фольклоре звезды золотоголовые с серебряными волосами:

*Ай белән килә,
Көн белән китә,
Алтын башлы,
Көмеш чәчле,
Мең дә бер йәшле*
[Махмутов 2014: 22].

Приходят с солнцем,
А днем уходят.
Голова золотая,
Волосы – серебряные,
И со мною одного возраста.

Событийность флективных испанского и русского языков показывает интересный репертуар образов, в частности овец в русском, фундука и дамы в испанском материале. Тюркская мифопоэтическая традиция, таким образом, дает интересные образы звезд в татарских загадках.

2.5. Загадки о тени

Испанские загадки про тень выделяются большей вариативностью и нанизыванием ассоциаций. Текст русских и испанских загадок о тени тяготеет к описанию событий появления тени. Например, в испанском тексте тень загадывается как явление, ходящее по воде и при этом не мокнущее:

*Entro al agua y no me mojo,
entro al fuego y no me queto,
de arriba llueve y de abajo crece,
cortarla no pude, ¿qué te parece?*
[Garfer, Fernández 1994: 56].

В воде не мокну,
В огне не горю,
Льется сверху и растет
снизу,
Разделить ее я не смог. Как
думаешь, что это?

Загадки про тень на испанском языке оказываются линейно протяженными и подробными. Возможно, внимание испанцев к тени обусловлено климатическими условиями, когда при жаре тень является естественным спасением. Так, например, при покупке билетов на традиционное зрелище испанской культуры – бой быков (*corrida de toros*) различаются места категорий *sol* «солнце» и *sombra* «тень», при этом места в тени являются более комфортными и дорогими.

Приведем образцы загадок о тени из нашей картотеки:

*Procedo de sol y luna
Y a ambos no puedo ver;
De espíritu no es mi ser,
Sustancia en mí no hay ninguna;
Soy a veces importuna
Y otras veces favorable.
Ando, corro, mas sin pies.*

Меня порождают солнце и
луна,
Но я их не вижу.
У меня нет духа,
И материи во мне нет никакой.
Порой я навязчивая,
Порой – благосклонная.

*En todas partes me ves
Y siempre soy impalpable*
[Garfer, Fernández 1994: 55].

Хожу и бегаю без ног.
Ты видишь меня повсюду,
Но я неосязаемая.

По справедливому замечанию В.В. Митрофановой, загадки о тени перекликаются с загадками о солнечном луче, без которого тень физически не может появиться. Это объясняет то, что к этой загадке в сборнике даны два ответа – «тень» и «солнечный луч».

*Мету, мету — не вымету,
Несу, несу — не вынесу;
Ночь придет — сама уйдёт*
[Митрофанова 1978: 50].

Следующая русская загадка про тень сводится описанию ее как безмолвного, бесшумного биоморфного существа без ног, но способного передвигаться:

*Ходит без ног,
Рукава — без рук,
Уста без речи*
[Русский фольклор 2007: 307].

В татарской традиции, как и в русской, тень загадывается как явление, сопровождающее нас, но в то же время неуловимое:

*Көн куарсың, төн куарсың,
Ай куарсың, ел куарсың, -
Барыбер җитә алмассың*

Будешь гнаться день, будешь
гнаться ночь,

[Махмутов 2014: 19].

Будешь гнаться месяц, будешь
гнаться год,
Но все равно не догонишь.

*Эт тугел – кара,
Барсам, ул да бара*
[Махмутов 2014: 19].

Не собака, но черная.
Если я иду, и она идет.

Итак, загадки про тень во всех трех лингвокультурах рисуют ее как биоморфную сущность и показывают наибольшее число образцов в испанском материале.

2.6. Загадки о ветре

Самую негативную, на наш взгляд, окраску ветер получает в испанских загадках. В Испании часто бывают ветра, у которых в метеорологии есть собственные названия. Так, семью самыми часто встречающимися ветрами являются *ábrego*, *cierzo*, *galerna*, *levante*, *poniente*, *terral* и *tramontana* [URL: <https://www.ecologiaverde.com/tipos-de-vientos-en-espana-36.html>]. Это отражается в испанских загадках, где подробно описываются события, в соответствии с «событийной» детерминантой флективных языков. Например:

Doy vida y puedo matar;

No hay quien me gane a correr;

Siempre te estoy azotando,

Y nunca me puedes ver

[Garfer, Fernández 1994: 58].

Я дарю жизнь, но могу убить.

Меня никто не может обогнать.

Я тебя бью плетью,

Но ты меня не видишь.

Pasa y besa cariñoso

Y nos maltrata cruel,

Jamás le vemos el rostro

Y no se vive sin él

[Garfer, Fernández 1994: 58].

Он проходит и целует нас
нежно,

Но иногда дурно с нами
обращается.

Мы никогда не видели его
лица,

Но и жизни без него
представить нельзя.

В русском фольклоре ветер описывается по производимому действию-событию, при этом частотны глаголы, выражающие событийность, в соответствии с событийной детерминантой русского языка:

Без рук, без ног, а ворота открывает; Свищет, гонит, вслед ему кланяются [Митрофанова 1978: 51].

Разрушительное действие ветра (в тексте два загадываемых денотата: *ветер* и *дым*) обнаруживаем следующей загадке:

*Пришел вор
Во двор,
Хозяина во двор унес*
[Русский фольклор 2007: 290].

По мнению В.В. Митрофановой, загадок, где ветер сравнивается с конем, мало [Митрофанова 1978: 51], однако в нашей картотеке есть такой интересный образец: «У батюшки жеребец – всему миру не сдержать» [Русский фольклор 1941: 224].

В татарском языке ветер предстает как существо без головы, рук и ног, но тем не менее биоморфное:

*Аягы да юк, башы да юк,
Үзе җилдереп йөри*
[Махмутов 2014: 31].

У него нет ни ног, ни головы,
А повсюду носится.

Загадка «*Кулсыз-аяксыз тәрәзә кага* (Без рук, без ног, а стучит)» является аналогом русской загадки «Без рук, без ног/ Под окном стучится,/ В избу просится».

Итак, загадкам о ветре характерны метафоры и национально-специфичные образы. Ветер олицетворяется во всех трех лингвокультурах.

2.7. Загадки о дожде/ливне

В испанском фольклоре существуют как детские загадки о дожде, так и загадки, в которых дождь сравнивается с Богом:

*Millones de soldaditos
Van unidos a la guerra,
Todos arrojan sus lanzas
Que caen de punta a la tierra*
[Garfer, Fernández 1994: 50].

Миллионы солдатиков
Идут строем на войну.
Все мечут свои копья,
Что вонзаются в землю.

*De la tierra subí al cielo,
Del cielo bajé a la tierra;
No soy Dios, y sin ser Dios,
Como al mismo Dios me esperan*
[Garfer, Fernández 1994: 45].

Я с земли поднялся на небеса,
С небес спустился на землю.
Я не Бог, но меня и без этого
Ждут как самого Бога.

Значимость дождя для урожая отражает русская загадка, где зафиксированы сразу три вопроса:

*Один льет,
Другой пьет,
Третий зеленеет да растет
(Дождь, земля, растения)*
[Русский фольклор 2007: 298].

В русских загадках, как и в татарских, нередко описывается персонифицируемое вертикальное движение дождя сверху вниз:

*Шел долговяз,
В землю увяз*
[Русский фольклор 2007: 305].

Сравним татарский образец:

Күктән килде, җиргә китте
[Махмутов 2014: 36].

Пришел с неба, ушел в землю.

Таким образом, испанские загадки о дожде наделены религиозными и антропоморфными метафорами, тогда как русские и татарские фокусируются на событийности.

2.8. Загадки о снеге/льде

Исследование показало, что загадки про снег и лёд характерны для татарской и русской лингвокультур, тогда как в испанской лингвокультуре они не находят отражения из-за климатических условий. Самое большое количество загадок про снег нами было найдено в русском материале.

Для природно-географических условий Испании снег характерен для горных цепей. В сборнике загадок Хосе Луиса Гарфера и Кончи Фернандес нет ни одного образца про снег.

Представленные на сайтах испанские загадки про снег связывают его с волшебством:

*¿Qué tipo de magia es esta?
Corrientes de arroyos de cisne
por el río*
[URL: <https://irgp2.ru/es/zagadki-pro-sneg-zagadki-pro-sneg-zagadka-snezhnyi-kom/>].

Лебединые ручьи на реке.
Что это за волшебство?

В русском фольклоре встречаются загадки про снег и его свойство таять. Также стоит отметить использование в загадке важнейших событий жизненного цикла:

*Летит – молчит,
Лежит – молчит,
Когда умрет,
Тогда заревет*

[Русский фольклор 2007: 306].

В татарской лингвокультуре популярна следующая загадка про лед, который является менее частым природным явлением в загадках:

*Тышка куйдым – таи булды,
Өйгә керттем – су булды*
[Махмутов 2014: 42].

Наружу положу – камнем
становится,
В дом занесу – водой станет.

Интересна русская загадка о сосульках, в которых они предстают существами без рук и без ног:

*Без рук, без ног,
А веревки вьют*
[Рыбникова 1932: 424]

Итак, загадки о снеге и льде как об обыденном природном явлении характеризуют татарскую и русскую лингвокультуры, с тяготением к подробному описанию признаков в татарском материале и сосредоточении на событийности, в русском. В испанском фольклоре снег предстает как магия.

2.9. Выводы по Главе 2

В Главе 2 установлено, что этнолингвистическое содержание и поэтика загадок о природе варьируют в зависимости от объективных природно-географических факторов, доминант народного мировидения и типологической принадлежности языков. Наиболее многочисленными и метафорически разветвленными во всех трех лингвокультурах оказались загадки о солнце, ветре и луне. Исследованные загадки о природе проявляют признаковую детерминанту тюркских и событийную детерминанту испанских и русских загадок. Имеющееся сходство образов говорит о евразийском континууме загадок о природе.

Во всех трех лингвокультурах природные явления персонифицируются, им приписываются свойства особо значимых в повседневной жизни животных, драгоценных металлов (*золото* в испанских, русских и татарских загадках о солнце), либо артефактов гастрономического кода (*фундук* в испанской лингвокультуре, *просо* в татарской лингвокультуре). Обозначенные явления природы могут комбинироваться в одном и том же тексте, и эта комбинаторика также окрашена этнолингвистически.

В сопоставительном плане образам природы в текстах загадок свойственна лакунарность: загадки о снеге типичны для русской и татарской лингвокультур и крайне скудны в испанской, где снегу приписывается код волшебства и магии.

ГЛАВА 3. ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ И НАПИТКИ КАК КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В ИСПАНСКИХ, РУССКИХ И ТАТАРСКИХ ЗАГАДКАХ

Национальная кухня является одним из важнейших элементов культуры любого этнического сообщества, а блюда национальной кухни синергично рассматриваются в современном гуманитарном знании не только как гастрономические факты, но и социо- и этнокультурные символы, часть национальной и фольклорной идентичности.

Загадки о еде, образно отражающие гастрономическое бытие человека, есть в фольклорной традиции почти любого этноса. Как пишет Л.Р. Габдрафикова, «особенности питания складывались в зависимости от географического расположения той или иной этнической группы, от рода занятий и образа жизни, определялись требованиями веры, а также сложившимися еще в языческую пору традициями» [Габдрафикова 2015: 74]. В данной главе мы предпринимаем попытку выявить этнокультурные характеристики испанской, русской и татарской гастрономических систем через призму загадок, проанализировать основные конститутивные признаки испанского, русского и татарского гастрономического дискурса, определить лексико-семантические особенности испанских, русских и татарских народных загадок о еде, используемые в них средства языковой выразительности.

Поскольку, наряду с пословицами и поговорками, загадки, в частности, загадки о пище, входят в паремиологический фонд языка, их сопоставительное лингвокультурологическое исследование на материале испанского, русского и татарского языков систематизирует данные о структуре и поэтике национального фольклора, позволяет достоверно выделить общие и этноспецифичные особенности, включая евразийский паремиологический континуум [см.: Паремиология на перекрестках языков и культур 2021; Бредис, Иванов, Ломакина, Нелюбова, Кужугет 2021; Нелюбова 2022; Зиновьева, Алешин 2022; Колесникова 2022].

Для интерпретации стратегий представления пищи в загадках были применены положения системной лингвистики проф. Г.П. Мельникова (1928–2000) и прежде всего – положение о том, что различия в языковых коллективах, условиях общения и внеязыковом сознании обуславливают нетождественность коммуникативной функции [Мельников 2000].

В общей сложности для иллюстративного материала данной главы нами было отобрано более 200 загадок о пище и продуктах питания. Для удобства изложения материала имеющиеся в нашей картотеке загадки мы объединили в десять групп.

Таблица 2. Категоризация загадок о еде.

№	Группа
1	Загадки о приправах
2	Загадки о злаках
3	Загадки о мучных изделиях
4	Загадки о мясных продуктах
5	Загадки о молочных продуктах
6	Загадки о яйце
7	Загадки о растениях и овощах
8	Загадки о фруктах и ягодах
9	Загадки об орехах
10	Загадки о напитках

Татарский ученый-этнограф К. Насыри, изучая особенности кухни, разделял продукты на два вида: «основные продукты питания» («то, из чего собственно, состоит блюдо: мясо, вода, мука, крупы и т.д.») и «улучшающие вкус», «запахи пищи и ее усваиваемость («например, соль, перец, лук, лимон, уксус, хрен» [Насыри 2015]. Пользуясь этим делением, мы начнем рассмотрение загадок о еде с загадок о приправах (соле, перце). Далее рассмотрим загадки о злаках, мучных изделиях и блюд; затем загадки о

мясных продуктах, овощах и фруктах. Завершим анализ загадок загадками о напитках – как безалкогольных, так и алкогольных.

Перед анализом загадок о пище хотим обратить внимание на малочисленные загадки о голоде, который появляется в результате неупотребления пищи.

*Adivina, adivinanza,
¿Cuál es el bicho que te pica en
la panza?
[Santana 1992: 113].*

Вот тебе загадка:
«Что за насекомое кусает тебя
в живот?»

*¿Cuál es la que andando
desmaya,
No gasta manto ni saya,
A todos nos pone en afrenta
Y en matándola queda contenta?
[Santana 1992: 113].*

Кто она, что ходит в
полудреме,
В вечной мантии и юбке.
Она нас обижает,
И мы рады убить ее.

*¿A quién se debe matar,
Y es obra de caridad?
[Santana 1992: 131].*

Убийство кого
Будет считаться
милосердием?

*Soy huésped aborrecible
y nadie quiere tenerme,
mas no se acuerdan de mí
sino cuando ya me tienen
[Böhl de Faber 2021: 313].*

Я ненавистный гость,
Которого никто не хочет
видеть.
Обо мне не и не вспоминают,
Пока не столкнутся со мной.

Несмотря на то, что, как представляется, голод является весьма универсальным явлением, загадки о нем мы находим лишь в сборнике

испанских загадок. Так, в них голод «кусает в живот» и предстает «ненавистным гостем», убить которого человек лишь рад.

3.1. Загадки о приправах

Приправы являются важной составляющей блюд любой кухни – порой в них может заключаться вся оригинальность блюда, как, например, в случае с южноазиатским блюдом «курица карри». Любовь испанцев к приправам выражается не только в загадках, но и в пословицах. Так, например, согласно испанским пословицам, у соли лучший вкус и способность улучшать вкус любых блюд – жареных, вареных и тушеных.

<i>No hay sabor tal como la sal</i> [М.М. Раевская, Л.Н. Киселева 2015: 82].		Ни у чего нет такого вкуса, как у соли.
--	--	--

<i>Lo frito, saladito, lo cocido y lo asado, sólo sazonado</i> [URL: https://www.cervantesvirtual.com/ obra-visor/el-refranero-y-la-gastronomia- tradicional-espanola/html/].		Жареное, вареное или тушеное – главное посолить.
--	--	---

В следующей испанской загадке мы видим роль соли для испанца – она занимает почетное место на столе, поскольку является неотъемлемой частью приготовления блюд.

<i>Delante de mi señor Ocupo un honrado asiento, Doy sazón al alimento, Rubio o blanco es mi color Y mi ser de un elemento</i> [Santana 1992: 76].		Я занимаю почетное место Рядом с моим господином. Белой или золотистой Я рождаюсь от стихии И придаю пище вкус.
---	--	---

Лишь среди испанских загадок мы находим загадки про соль, основанные на игре слов. В следующих загадках соль связывают с собакой и кричат *sal aquí* (здесь – «подайте соль»). Слово *sal* с испанского переводится и как «соль» и как повелительный глагол 2 лица единственного числа «выйди». При этом снова подчеркивается особое место соли как в процессе готовки, так и на столе.

*El nombre tengo de perro
Y me llaman: “Sal aquí”
Y en las mesas de los grandes
Nada se hace sin mí
[Santana 1992: 108].*

*El sabor de los sabores
Todo se ha encerrado en mí
Y me tratan como a perro
Y me dicen: “Sal aquí”
[Santana 1992: 108].*

Событийность происхождения соли из воды, в соответствии с событийной детерминантой русского языка, по Г.П. Мельникову, находим в русском материале. При этом любопытна персонификация родственных отношений соли и воды. Вода – мать соли, которая одновременно ее порождает («от воды родится») и убивает («мать свою увидит – и умрет»).

*От воды родится,
Воды боится
[Загадки русского народа 1959: 79].*

От воды родится

*И в воду годится,
Мать свою увидит –
И умрет*

[Загадки русского народа 1959: 79].

Аналогичные загадки мы находим и среди татарских загадок о соли:

Суда туа, судан курка
[URL: <https://chelny-rt.ru/news/tarbiiace-posmagy/suda-tua-sudan-kurka-1701172132>].

От воды родится,
Воды боится.

*Суда туа,
Суга керсә – үлә*
[Махмутов 2014: 239].

В воде рождается,
В воде умирает.

Поскольку соль является неотъемлемой частью любого блюда, К. Насыри уделял ей особое внимание, отмечая, что соль – «самая важная из приправ, улучшающая, исправляющая вкус» [Насыри 2015]. Подтверждение этому мы находим в загадках о соли, где она описывается как продукт, который нельзя есть отдельно, но без которого невозможно представить готовые блюда, застолья и свадьбы.

*Мине тотып ашамыйлар,
Миннән башка туй да
ясамыйлар*
[Махмутов 2014: 239].

Меня горстями не едят,
Но и застолья без меня нет.

*Ялгыз гына ашалмый,
Аннан башка аш бармый*

Ее не едят отдельно,
Но без нее не обойтись.

[Махмутов 2014: 239].

*Үзе ачы булса да,
Аш-суны тәмләндерә*

[Махмутов 2014: 239].

Сама горькая,
А еду приправляет.

Перец у испанцев также является очень важной приправой, подтверждение чему мы находим и в пословицах.

*Para que guisos y pláticas mejor
sepan,*

échales un granillo de pimienta

[М.М. Раевская, Л.Н.
Киселева 2015: 82].

Чтобы блюда были вкуснее,
Добавь в них щепотку перца.

*Más vale grano de pimienta que
libra de arroz*

[Раевская, Киселева 2015: 82].

Горошек перца важнее,
Чем фунт риса.

Примечательна загадка про черный перец, в которой мы наблюдаем библейские и церковные метафоры – процесс помола перца сравнивается с пытками апостола Варфоломея и, предположительно, святого Лаврентия Римского.

*En el campo me crié
Sin ser hombre ni mancebo,
Me hacen pasar los martirios
De Bartolomé y Lorenzo*
[Santana 1992: 118].

Я вырос на поле,
Не был юношей или мужчиной.
Меня подвергают тем же
пыткам,

Что святых Варфоломея и
Лаврентия.

Таким образом, загадки о соли встречаются в загадках всех трех лингвокультур, тогда как загадки о черном перце встречаются в испанских сборниках загадок, но лакунарны в русской и татарской лингвокультуре.

В нашу картотеку попала и русская загадка о сахаре, в которой он сравнивается со снегом и называется вредным для зубов:

*Бел, как снег,
В чести у всех,
И нравлюсь вам,
Но вред зубам*
[Рыбникова 1932: 114].

Таким образом, мы находим большое количество загадок о соли во всех трех лингвокультурах. Анализ загадок о приправах выявил использование схожих метафор о рождении соли в русской и татарской лингвокультурах, тогда как испанские загадки о соли фокусируются на игре слов.

3.2. Загадки о злаках

Весьма событийны испанские загадки о злаках, в частности загадки о пшенице. В них описывается процесс посева пшеницы, сбора урожая и даже помола муки. На значимую роль пшеницы в жизни испанца указывает следующая загадка, в которой пшеница сравнивается с Богом.

*No soy Dios ni pienso serlo,
Ni la virgen fue mi madre;
Quitándome el ser que tengo
Soy tan Dios como Dios Padre*
[Santana 1992: 108].

Я не Бог и не желаю им стать,
И мать моя не была девой.
Сменяя свою сущность,
Я становлюсь таким же
Богом, как Бог Отец.

Помимо этого, в загадках о злаках нередко показываются родственные отношения и используются такие метафоры, как «мать» (земля), «сын» (пшеница, зерно). Любопытна метафора «любящий отец», которая относится к самой пшенице – на исп. *trigo* мужского рода. Вероятно, пшеница называется «любящим отцом», поскольку конечный продукт ее переработки – хлеб – является одним из самых универсальных и важнейших продуктов питания любого народа на протяжении многих тысяч лет.

Таким образом, в следующем примере мы видим, что «любящий отец» (пшеница) рождается от «матери» – т.е. от земли и в земле. Спустя определенное время зерно пшеницы снова закапывают в землю, после чего мать-земля рождает еще больше пшеницы.

*Un padre amoroso querido en el
mundo
Nació de su madre, y un año
vivió.*

Любящий отец, почитаемый
во всем мире.
Родился от матери и прожил
всего год.

<i>Después de enterrado en lo más profundo,</i>	После он был похоронен глубоко под землей,
<i>Debajo la tierra un hijo engendró.</i>	И родил он под землей сына.
<i>La madre holgando de un caso tamaño</i>	Мать взрастила еще много детей,
<i>Crió juntamente otros muchos hijos</i>	А позже они были размолоты на ферме.
<i>Molidos a coces en yermos crotijos,</i>	Их убивают, чтобы они прожили еще год.
<i>Les hacen morir y vivir otro año</i>	
[Santana 1992: 41].	

В двух загадках мы находим не только событийную составляющую и путь пшеницы до превращения в муку, а потом в хлеб, но также наблюдаем гендерные трансформации пшеницы на этом пути. Так, сначала она меняет имя с мужского на женское – *trigo* (с исп. *пшеница*, ед.ч, м.р.) становится *harina* (с исп. *мука*, ед.ч, ж.р.). Затем тесто подвергается «пыткам огнем» и становится хлебом, тем самым получает новое имя.

<i>Decidme si sabeís por aventura</i>	Ответьте мне, если вдруг
<i>¿Cuál es aquel varón tan desdichado</i>	знаете:
<i>Que en nombre de mujer le han transformado</i>	«Кто тот несчастный мужчина,
<i>Perdiendo el primer ser y su figura</i>	Что сменил имя на женское и потерял свой изначальный облик?
<i>Y no contentos de esta desventura</i>	Но не довольствуясь этими
<i>Le dan otro martirio con el fuego</i>	злключениями,

<i>Mudándole aquel nombre en otro luego</i>	Позже его подвергли пыткам огнем
<i>Dispone de él al punto la criatura?</i>	И сменили имя.
[Santana 1992: 42].	
<i>Más de cinco mil hermanos Entran por un “bujerito”, Y, al sacar el nombre de hembra, El de varón lo han perdido</i>	Пять тысяч братьев Прошли через отверстия. Взяли себе женское имя, А мужское потеряли.
[Santana 1992: 135].	

В следующей загадке мы видим цветовую характеристику загадываемого объекта на разных этапах жизненного цикла – от зеленого растения до белой муки.

<i>Verde me crié, Rubio me cortaron, Prieto me molieron, blanco me amasaron</i>	Я вырос зеленым, Золотистым меня скосили, Темным меня мололи, Белым месили.
[Santana 1992: 94].	

Поскольку из пшеницы делают муку и позже пекут хлеб, она «приносит радость» и «дарит жизнь» людям.

<i>En mi trabajan Mujeres y hombres; Ellos me muelen, Ellas me escogen. Allí donde entro</i>	Надо мной работают Мужчины и женщины. Мужчины меня мелют, Женщины – отбирают. Куда бы я ни приходил,
--	--

*Gran contento doy
Y hay gran descontento
En donde no estoy*
[Santana 1992: 108].

Я приношу лишь радость.
А там, где меня нет,
Царит печаль.

*Millares de hermanos
Rubios como yo,
Le damos la vida
Al que nos tiró*
[Santana 1992: 108].

Нас тысяча братьев,
И все мы белокурые.
Мы дарим жизнь тому,
Кто нас собирает.

Важное место в рационе испанцев занимает рис, ведь он является одним из главных ингредиентов, возможно, самого популярного испанского блюда – паэльи. Паэлья – блюдо с большим количеством ингредиентов, но испанцы верили, что и простые блюда с рисом могут быть полезны и способны продлевать жизнь. Подтверждение этому мы находим в следующей пословице:

*El arroz con tomate y las patatas
cocidas alargan la vida*
[URL:
<https://circulomarisqueria.com/los-mejores-refranes-sobre-la-comida/>].

Рис с помидорами и
вареный картофель продлевают
жизнь.

Загадки о рисе, найденные только в испанских сборниках загадок и лакунарные в загадках русских и татарских лингвокультур, строятся на использовании в тексте загадки зеркальной анаграммы. В первой загадке мы видим слово *zorra* (с исп. *lisa*), при прочтении которого наоборот мы получим слово *arroz* – рис.

Во втором примере загадывается «овощ, прочтение которого наоборот даст название животного».

*Dábale arroz
A la zorra Juanilla;
Empiezo por a y acabo con z,
Y no soy cartilla*
[Santana 1992: 127].

*¿Cuál es el vegetal
Que, leído al revés
Resulta un animal?*
[Santana 1992: 127].

Загадки о пшенице встречаются в сборниках традиционных русских загадок, а также в сборниках детских загадок. Русские загадки о пшенице событийны, поскольку в них описывается весь путь пшеницы от посева до готового хлеба.

*Я загадку загадаю,
В огороде закопаю;
Как год пройдет,
Калач взойдет*
[Рыбникова 1932: 147];

*В поле росла,
Под жерновом была,
Из печки на стол
Караваем пришла*
[Карпенко 1988: 27].

В следующей загадке мы встречаем артефактную метафору золота и антропоморфную метафору (усачи):

*С неба
Солнце золотое
Золотые льет лучи.
В поле дружною стеною
Золотые
Усачи.*
[Карпенко 1988: 27].

В сборниках русских загадок мы находим большое количество вариаций одной загадки об овсе, в которых он предстает «курочкой с серьгами», что, вероятно, связано в первую очередь с его внешним видом:

*На горочке, на кургане,
Стоит курочка с серьгами*
[Рыбникова 1932: 98].

Просо – один из самых распространенных хлебных злаков в виде пшена у русских, при том, что вековые традиции пашенного земледелия русских предопределили возделывание таких культур, как пшеница, рожь, ячмень, овес и др. В нашей картотеке оказалось два почти идентичных образца русских загадок о просе, где оно предстает в образе маленькой сущности в золотой кубышке, апеллирующей к цвету злака и его ценности:

*Сидит мышка
В золотой кубышке*
[Климова 2001: 78];

Малая малышка,

Золота кубышка

[Климова 2001: 78].

Похожую метафору с золотом мы видим и в следующей загадке о просе:

В золотых скорлупах

Спрятаны крупы

[Рыбникова 1932: 427].

Также загадку про жареное просо мы находим в сборнике традиционных татарских загадок, в которой растение сравнивается с лохмотьями:

Тырт-мырт

Берсен чайнәп, берсен йот

[Махмутов 2014: 233].

Сами, как лохмотья

Жуйте одни и глотайте другие.

Таким образом, доминирующими злаками в испанских загадках являются пшеница и рис, в русских – пшеница и просо, а в татарских – лишь просо. В отличие от татарских, испанские и русские отгадки загадок о злаках, как правило, однословные.

3.3. Загадки о мучных изделиях

В нашу картотеку вошло большое количество испанских, русских и татарских загадок про хлеб и мучные изделия. Очевидно, мучные изделия являются универсальной пищей, которой питались как испанцы, так и русские, и татары. Более того, хлеб употребляли в пищу как бедные крестьяне, так и представители высших сословий. О важности хлеба говорится в испанской пословице *quien tiene pan de hambre no morirá* (с исп. «у кого есть хлеб, тот с голоду не помрет»). Несмотря на это, в сборниках традиционных загадок нами была найдена лишь одна загадка о хлебе:

*Soy pálido, seco, enjuto,
Y a todo el mundo doy gusto*
[Santana 1992: 108].

Я бледный и сухой,
Но всему миру приношу
радость.

Самыми многочисленными загадками о мучных изделиях являются русские и татарские. Среди них мы находим большое количество загадок о хлебе, опаре, тесте. Практически во всех русских загадках в игровой форме описывается процесс или «событие», по Г.П. Мельникову, высказывания, в соответствии с событийной детерминантой флективных языков [Мельников 2000], убедительным представителем которых является русский язык. Так, например, опара предстает существом без рук и ног, но способным подниматься или лезть в гору:

*Без рук,
Без ног,
А одеяло вздымает*
[Загадки русского народа 1959: 76];

*Без рук, без ног,
А в гору лезет*
[Лысаков 2022: 210].

Примечательно, что мы находим практически идентичную загадку на татарском языке, однако в ней безрукое и безногое тесто взбирается на дерево, а не лезет в гору. Также, если в русских загадках тесто предстает существом без рук и ног, то в татарской загадке оно предстает не только как существо без конечностей, но как существо без души, неживое.

Аяксыз-кулсыз агачка менә

[Махмутов 2014: 234].

Без рук, без ног,

А на дерево лезет.

Жаны юк — үзе тын ала

[Махмутов 2014: 234].

Без души,

А дышит.

В следующей русской загадке про хлеб мы видим четыре этапа приготовления хлеба: от просеивания муки и приготовления теста до помещения в печь и получения хлеба:

Возьму пыльно,

Сделаю жидко,

Брошу в пламень,

Будет как камень

[Русские народные загадки 2017: 54].

Событийна и следующая загадка про муку:

Белая беляна

По полю гуляла,

Домой пришла, по рукам пошла

[Русские народные загадки 2017: 54].

Нами была обнаружена и русская загадка о булке:

*Дулась, пыхтела,
От жары краснела,
А за стол все же села*
[Рыбникова 1932: 424].

С развитием земледелия у татар, в употребление вошла крупяная у мучная еда – запечённые лепешки, вареные в воде клёцки [Татар милли ашлары 2020: 46]. Впоследствии мучное и хлеб стали основой рациона питания татар. Поэтому мы видим сразу несколько загадок, в которых хлеб загадывается как самое дорогое, что может быть у простого человека, как то, без чего «жизнь плоха».

*Эче куыш, тышы таиш,
Юеш салдым, коры алдым,
Аннан яхшы табылмас*
[Махмутов 2014: 234].

Снаружи – камень,
внутри – пустой.
Ставлю мокрым,
а вынимаю сухим.
Его нет ничего дороже.

*Үзе түгәрәк,
Урыны түрдәрәк,
Эче тулы күзәнәк
Әчкелтем дә төчкелтем,
Бар нәрсәдән дә кадерлерәк*
[Махмутов 2014: 235].

Сам круглый,
Внутри – полный.
Кислый, пресный.
А всех дороже.

Считаем важным пояснить, что прилагательное «бездушный» в татарском языке не носит негативной окраски и скорее указывает на факт того, что предмет или объект не являются живыми.

*Үзе жансыз,
Ансыз дөнъя сансыз*
[Махмутов 2014: 235].

Он бездушный,
Но жизнь без него плоха.

Также в указанных выше загадках мы наблюдаем эстетически отраженный довольно простой для отгадывания процесс приготовления хлеба.

Крайне интересными видятся следующие две загадки про хлеб. В них мы можем заметить, как хлеб «наказывают» – избивают палкой, режут, придавливают. Однако все это не противоречит тезису о том, что для татар нет ничего дороже хлеба, поскольку все делается по причине того, что хлеб очень любят и без него обойтись нельзя.

*Мине таяк белән кыйныйлар,
Таш белән кысалар,
Пычак белән кисәләр;
Ни өчен болай жәзалыйлар? —
Чөнки мине бары да ярата*
[Махмутов 2014: 235].

Меня избивают палкой,
Придавливают камнем,
И режут ножом;
Почему меня так наказывают?
Потому что меня все любят.

Кисәм-кисәм — каны юк
[Махмутов 2014: 235].

Режу-режу, а кровь не идет.

Одними из самых популярных и любимых блюд в татарской кухне были пироги, в частности *бәлеш*. *Бәлеш* – это «татарское национальное блюдо в виде круглого пирога из пресного теста с разнообразной начинкой» [URL: <https://tatcultresurs.ru/onkn/belish-blesh>]. Начинка пирога может быть разной, однако форма его почти всего одинаковая – круглая с небольшим отверстием в верхней части. Отсюда и следующая загадка, в которой описываются внешние характеристики пирога.

*Ахактан, бохактан,
Тар — авыздан, киң — төптән*
[Махмутов 2014: 236].

Узенькое горлышко,
Широкое донышко,
Сдобренная начинка.

В следующем примере на пироге «дорогой халат» и «стёганная тюбетейка». Вероятно, дорогой халат – это полотенце или кусок ткани, которыми накрывают готовый пирог на время до получаса перед его употреблением. По крайней мере, так делает мама автора. Вестиментарная метафора про тюбетейку, являющуюся национальным головным убором татар, очевидно, указывает на узоры на пироге, которые получаются в процессе «прищипывания» теста по периметру пирога и которые схожи с узорами на тюбетейке.

*Эче өрелгән,
Якасы бәрелгән,
Сырлы кәпәчен кигән,
Табын түренә үрелгән*
[Махмутов 2014: 236].

На нём дорогой халат,
тюбетейка стёганная.
Во главе стола его место.

*Сырлы түбәтәемнең түбәсе
тишек*
[Махмутов 2014: 236].

Верх стеганной тюбетейки с
дыркой.

Еще одним мучным блюдом с мясной начинкой, традиционным для русской и, отчасти, татарской кухни, являются пельмени. В следующей загадке про пельмени мы наблюдаем зооморфную метафору: они сравниваются с «овечками», поскольку внешне пельмени похожи именно на это животное. Нами были обнаружены три вариации такой загадки:

*Бежали овечки
По калиновому мосту,
Увидели грозу (огонь) –
Кинулись в воду*
[Загадки русского народа 1959: 82].

В основе татарских блюд лежат лучшие традиции восточных, финно-угорских, славянских, европейских и других народов [Татар милли ашлары 2020: 22]. Этот симбиоз подтверждают и слова Л.Н. Гумилева о том, что «нет, не было и не могло быть этноса, происходившего от одного предка. Все этносы имеют двух и более предков, как все люди имеют отца и мать» [Гумилев 1998: 100].

Именно поэтому и среди татарских загадок мы находим загадку о пельменях – традиционном блюде русской кухни. В отличие от русской загадки, в татарской загадке делается акцент на лепке пельменей – они «режутся без ножниц» и «шьются без ниток».

*Кайчысыз киселә,
Жепсез тегелә*
[Махмутов 2014: 237].

Режутся без ножниц,
Шьются без ниток.

Среди загадок про мучные блюда нами были найдены татарские загадки про клёцки и баурсак. Это блюда без мясной начинки, что объясняется комментариями П. Знаменского про то, что господствующей пищей татар являются мучные изделия, а мясо татары употребляли не так часто: «В праздники на столе является похлебка с мясом и жаркое из баранины или конины. Мяса татары употребляют вообще не много, потому что оно для них дорого. Животное, назначаемое в пищу, должно быть заколото непременно татаринoмъ и с известной молитвой; от того татары не могут пользоваться припасами обыкновеннаго мясного рынка и по обыкновенной цене. Важным

подспорьем могло бы для них служить дозволенное у них в пищу мясо лошадей, но оно мало ими употребляется, потому что, будучи добываемо обыкновенно от старых, уже никуда негодных лошадей, очень жестко и невкусно, а колоть для него здоровых жеребят и молодых лошадей дорого. Самым употребительным и, можно сказать, национальным мясом служить у татар баранина» [Знаменский 1910].

В загадке про клецки мы обнаруживаем зооморфную метафору про баранов, бросающихся в «прорубь» – воду, в которой клёцки варятся.

Бер бәкегә кырык тәкә сикерә
[Махмутов 2014: 237].

В одну прорубь сорок баранов
бросаются.

Примечательна татарская загадка про баурсак – сладкий мучной десерт, который, несмотря на небольшое разнообразие ингредиентов и простой способ приготовления, является в основном праздничным блюдом.

Чтобы приблизиться к отгадке загадки про баурсак, необходимо понимание процесса его приготовления. Дольки теста бросают в немалое количество раскаленного масла, накрывают казан крышкой, после чего спустя некоторое время тесто начинает раздуваться и всплывать наружу. В загадке ниже мы также видим идентичную зооморфную метафору – баурсаки сравниваются с желтыми овцами, которые утонули в воде, после чего набухли и всплыли. Также эта загадка очень интересна тем, что метафора про утонувших и всплывших овец является весьма правдоподобной с точки зрения законов физики:

*Сары куйлар суга батты,
Шешенде дә өскә калыкты*
[Махмутов 2014: 238].

Желтые овцы утонули в воде,
Набухли и всплыли.

Большое количество татарских загадок о мучных изделиях объясняется тем, что, согласно П. Знаменскому, «господствующая пища татар – все мучнистое и масляное, особенно в достаточных семействах, где в большом количестве потребляются разного рода сдобные и слоёные печенья, пельмени, жирная лапша, густые сливки (каймак) и т.п. У простолюдинов обычным блюдом служат: толкан или болтушка, сваренная из муки и воды с солью, салма из шариков теста в воде, гречневые лепешки на скоромном масле; для вкуса салма и толкан иногда подбеливаются молоком» [Знаменский 1910].

Среди русских загадок мы находим загадки о блинах. В них также представлен процесс их приготовления. Подсказкой является то, что жидкое тесто «наливают» в сковороду, а по готовности «сдирают» и «накладывают другой».

*Поставлю - попарю,
Выну - поправлю,
этот сдеру, другой наложу*
[Русские народные загадки 2017: 54];

*Что на сковороду наливают
Да вчетверо сгибают?*
[Загадки русского народа 1959: 82].

Особую группу вторых блюд у татар составляют крупяные блюда – каши. Первоначально они употреблялись как ежедневно, так и в праздничных ритуалах. Долгое время они занимали основное место на кухонном столе татар поскольку являлись «праматерью хлеба» [Татар милли ашлары 2020: 53].

*Куй көтүем суга төште,
Сөләйман аксак куа төште,
Карагай калпак каплый төште,
Торымтай эзли төште*

Мое стадо овец упало в воду,
Сулейман погнался за ними.

[Махмутов 2014: 233].

Неудивительно, что татары предпочитали готовить еду в казане или котле, поэтому особая любовь у них наблюдается к жидким горячим блюдам – супам и бульонам [Татар милли ашлары 2020: 49]. На особое место супов и жидких блюд в национальной кухне татар указывает и самое татарское слово «*аш*», обозначающее суп. Примечательно, что слово «*аш*» является многозначным – им называют «продукты, пригодный для еды», «пищу, которую едят в обеденное время», а также «пищу, сваренную в котле или другой посуде, с бульоном или без него» [Татар милли ашлары 2020: 50].

Самым популярным супом у татар является суп-лапша *токмач*. Мы находим загадки как про сам суп токмач, так и про процесс приготовления супа и процесс поедания супа с лапшой.

*Минем ялгызымны ашамыйлар,
Эмма миннән башка татарга
аш булмый*
[Махмутов 2014: 237].

Меня не едят отдельно,
Но без меня татарин супа не
сварит.

*Әгәри,
Әгәри дә тәгәри,
Тәгәри дә суга төшә,
Күңелем шуны ярата*
[Махмутов 2014: 237].

Катаем-катаем,
Бросаем в воду,
И нам это очень нравится.

В следующей загадке про поедание *токмача* мы наблюдаем антропоморфную метафору, в которой лапша, свисающая с ложки, сравнивается с ногами.

Кашык өстендә аягын
салындырып утыра
[Махмутов 2014: 237].

Сидит на ложке, свесив ножки.

Таким образом, было установлено, что в испанской лингвокультуре отсутствуют традиционные загадки о мучных изделиях. Русская и татарская лингвокультуры, напротив, богаты загадками о тесте, пельменях и клецках. Особенностью этих загадок является частое использование зооморфных и антропоморфных метафор.

3.4. Загадки о мясных продуктах

Мясо является одним из главных ингредиентов многих кухонь мира, и испанская кухня не является исключением. Среди испанских пословиц много пословиц о мясе. Например, говорится, что лишь мясо дает человеку радость и способствует хорошему физическому состоянию.

*Huevos, frutas y legumbres no dan
más que pesadumbres;*

carne, carne cría y da alegría

[URL: <https://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/el-refranero-y-la-gastronomia-tradicional-espanola/html/>].

Яйца, фрукты и овощи ведут
лишь к огорчениям.

А мясо – растит тело и
приносит радость.

Однако несмотря на это, загадки о мясе мы находим не в сборниках традиционных испанских загадок, а лишь в сборниках детских загадок. В следующей загадке мясо по праву называется главной «звездой многих блюд»:

En la parrilla me asas

Y en salsas me bañas;

soy la estrella de muchas comidas.

[URL: <https://aulainfantil.com/adivinanzas/adivinanzas-de-comida/>].

Ты меня жарить на гриле

И купаешь в соусах.

Я – звезда многих блюд.

Поскольку Испания славится морепродуктами, которые во многих блюдах являются заменителем красного или белого мяса, мы хотели бы привести в пример интересную загадку о креветке, основанной на игре слов. Так, в загадке креветка от первого лица говорит, что ее кровать (на исп. *cama*) находится в воде, а зовут ее – Aron. Таким образом, испаноговорящему не сложно догадаться, что речь идет о креветке – *camarrón*.

*Mi cama tengo en el agua,
Capitán de antiguo soy;
Aron me llamo en el mundo,
Adivíname quién soy*
[Santana 1992: 138].

В сборниках русских народных загадок о мясе или мясных продуктах не оказалось, однако примечательны на наш взгляд современные загадки о сале. Есть ироничные загадки, отсылающие, например, к ответу о красоте женщины, но подразумевающие любимый славянами вкус сала:

*Кто на свете всех милее,
Всех румяней и белее?
(Сало)*

[URL: <https://kidsclever.ru/content/zagadki-pro-salo>].

Приведем для сравнения образец современной любительской русской загадки про колбасу:

*Для бутерброда то важно
У диетологов вреда
Больше химии, чем мяса,
Это ... ведь наша. (Колбаса)*

[URL: <https://deti.parafraz.space/kolbasa-sosiski-myaso-myasoproduktyi-v-zagadkah/>].

Данный образец и им подобные не содержат особой образности и построены скорее на житейском опыте и юморе.

Также примечательная русская загадка о рыбе с отгадкой «рыба на сковороде»:

*Чи-чи, чи-чи,
Круть верти,
На сковороде смерть*
[Рыбникова 1932: 298].

Мясо в татарской кухне присутствует как в первых, так и во вторых блюдах. Помимо отварного и жареного мяса, в татарской кухне мы также встречаем соленое и вяленое мясо [Татар милли ашлары 2020: 51]. Так, из конины делали колбасу кызылык. Поскольку в процессе приготовления колбасы кишки наполняли рубленным конским мясом, отгадка следующей загадки про кызылык не составляет для татар особого труда. Примечательно, что в данном двустишии используются созвучные слова «*кызыл*» (красный) и «*кыз*» (девочка, дочь).

*Кызыл камыт эчендә
Кыз ризыгы ятыдыр*
[Махмутов 2014: 238].

В красный мешочек
Девичья забота вложена.

Определенный отпечаток на рацион питания татар накладывает и социальное положение. Так, самое употребительное мясо у татар – баранина – готовилась зачастую только для праздничного стола. Вероятно, именно поэтому нами была обнаружена лишь одна загадка про колбасу.

Таким образом, несмотря на популярность мяса и большое количество мясных блюд в испанской, русской и татарской гастрономических культурах, мы не обнаружили загадок о мясе в сборниках традиционных загадок трех лингвокультур.

3.5. Загадки о молочных продуктах

Несмотря на то, что молоко является популярным продуктом, в сборниках традиционных испанских загадок мы не находим ни одной загадки о молоке. Однако нами была найдена загадка про сыр, который, как говорится в самой загадке, делается из молока:

*Reondo, reondo,
Cansta e colá;
Se jase con leche,
Se come con pan
[Santana 1992: 116].*

Круглый-прекруглый,
Делается из молока,
А едят его с хлебом.

Загадка о сыре была найдена и в сборниках русских загадок:

*Круглый, дырявый,
Слезу пускает
[Рыбникова 1932: 440].*

В русских загадках про молоко присутствует подсказка в виде белого цвета отгадываемого объекта и его сладости:

*Чиста, да не вода;
Клейка, да не смола;
Бела, да не снег;
Сладка, да не мед;
От рогатого берут
И живулькам дают
[Загадки русского народа 1959: 84].*

Белое, да не вода,

*Сладкое, да не мед,
От рогатого беру
И деточкам даю*
[Рыбникова 1932: 138].

Материнское молоко, в отличие от молока коровьего, кормило каждого, что обуславливает приватность, граничащую с сакральностью, его потребления, несмотря на юмористическую тональность русской загадки:

*Ни гусь, ни баран,
На столе не бывал,
А всякого питал*
[Загадки русского народа 1959: 84].

Также нами была обнаружена русская загадка про сливочное масло, в которой мы наблюдаем зооморфную метафору «желтенька собачка», которая лежит в конурке (масленке).

*Желтенька собачка
В конурке лежит*
[Загадки русского народа 1959: 84].

В другой загадке мы видим физические свойства масла, а именно то, что оно не тонет в воде из-за своей меньшей плотности:

Что всего поверх воды?
[Рыбникова 1932: 424].

Татарских загадок о молоке и масле нам не встретилось, что обусловлено, вероятно, тем, что для многих тюркоязычных народов молоко и

масло – важные продукты, в том числе, указывающие на состоятельность семьи.

Итак, русские загадки о молоке, в том числе, о материнском молоке, объединяет значимость молока в жизни человека и аллюзия белого цвета.

3.6. Загадки о яйце

В нашей картотеке оказалось множество загадок о курином яйце. В некоторых загадках мы находим артефактную метафору «бочка» и «сундучок», а также герметичность яйца – в нем нет отверстий, его можно открыть, но закрыть невозможно.

*Un barillito de pon pon,
Que no tiene agujero ni tapón
[Santana 1992: 92].*

Что это за бочка
Без отверстия и пробки?

*Una arquita blanca como la cal,
Que todos saben abrir y nadie
cerrar
[Santana 1992: 93].*

Словно известь белый
сундучок,
Который можно открыть, но
закрывать нельзя.

В следующей загадке мы также замечаем, что яйцо представляется зданием без дверей и окон, в который не может попасть ни свет, ни воздух, однако здесь мы наблюдаем метафору «беленькая церковь»:

*Una iglesita blanca,
Sin puerta ni tranca;
No entran en ella luz ninguna,
Ni de vela, ni de sol, ni de luna
[Santana 1992: 116].*

Беленькая церковь
Без дверей и замка.
В нее не попадет свет
Ни от свечи, ни от солнца или
луны.

Продолжение темы с герметичностью яйца мы видим в следующей загадке, в которой для образного описание денотата используется артефактная метафора «рубашка без швов»:

*Camison sin costura, bobilisca,
Aciértamelo, tontilisca*
[Santana 1992: 104].

Оно как рубашка без швов,
Если не угадаешь, что это, ты
глупец.

Также нами была обнаружена загадка, в которой используется образ некоего помещения, однако в данном случае оно состоит лишь из двух стен, посреди которых цветет «желтенький цветок»:

*Entre dos paredes blancas
hay una flor amarilla,
que se puede presentar
al mismo Rey de Castilla.*
[Böhl de Faber 2021: 127].

Среди двух белых стен
Цветет желтенький цветок,
Настолько красивый,
Что можно подарить Королю
Кастильскому.

Примечательна загадка о яйце, в которой яйцо рассказывает, откуда оно родом, кто был его отцом и где оно живет. В данной загадке мы обнаруживаем как артефактные метафоры («белый дом»), так и антропоморфные метафоры («отец-певец», «желтое сердце»):

*Señores, de Francia vengo,
Que mi padre es cantador;
Traigo los hábitos blancos
Y amarillo el corazón*
[Santana 1992: 95].

Господа, я родом из Франции,
Отец моей – певец,
У меня белый дом
И желтое сердце.

Симптоматичной представляется следующая загадка о яйце, в которой яйцо предстает «сокровищем жизни», сердце у него «золотое», а не «желтое», и поёт у него мать, а не отец:

*Alba corola,
Como un tesoro,
Guarda en su seno
Alma de oro;
En cuanto nace,
Su madre canta;
En cuante muere,
Su alma no aguanta;
O bien entera,
O bien diluída,
Siempre es tesoro
Para la vida*
[Santana 1992: 131].

Белый венчик,
Словно сокровище,
Хранит в себе
Золотое сердце.
Когда рождается,
Его мать поет.
Когда умирает,
Его сердце не выдерживает.
В любом виде оно просто
Сокровище жизни.

Так же, как и в испанских, в русских загадках о яйце яичный желток сравнивается с золотом, а само яйцо – с тарой: сундуком, бочонком и шаром:

*Нашел я шар, разбил его,
Увидел серебро и золото*
[Загадки русского народа 1959: 84].

Примечательно также большое разнообразие русских загадок про яйцо, в которых в «бочонке» находятся два различных вида пива, вина или водки, которые при этом не смешиваются. Мы нашли более десятка вариаций следующей загадки:

*В беленьком бочонке
Два пивца: бело да желто*
[Загадки русского народа 1959: 84].

Примечательно русская и следующая загадка о курице и яйца, где яйцо предстает «белым городом», а желто – «желтым воском»:

*Крик-Крик город,
В Крике-городе – бел город,
В бел городе – желтый воск*
[Рыбникова 1932: 158].

Таким образом, испанские и русские загадки о яйце сходны сравнениями с золотом и использованием артефактных метафор бочонка и сундука. Татарских загадок о яйце нами не было найдено.

3.7. Загадки о растениях и овощах

Наибольшее количество загадок о растениях и овощах мы наблюдаем в испанской лингвокультуре, что вполне очевидно, поскольку Испания является одной из самых теплых стран Европы с благоприятными климатическими условиями для культивирования овощей и фруктов.

Среди испанских загадок мы не нашли ни одной загадки о готовом блюде (в отличие от татарских загадок о пирогах и супах, а также русских загадок о пельменях и кашах), однако оно упоминается в загадке про картофель – в ней говорится про использование картофеля для приготовления испанского омлета (*tortilla*). В этой загадке мы видим универсальные свойства картофеля, который можно употреблять в пищу в любом виде:

*Podéis comernos fritas,
¡qué ricas!
En puré
Que también estamos bien.
En tortilla,
¡qué maravilla!
Cocidas o asadas,
Solas o acompañadas
Hasta en ensaladas
[Santana 1992: 141].*

Вы можете есть нас
жареными.
Это так вкусно!
В виде пюре все так же
вкусно.
В тортильи мы просто чудо.
Мы вкусные вареные или
жареные,
Просто так или в гарнире
И даже в салатах.

В плане метафорики интересны русские загадки о картофеле, в которых мы наблюдаем зооним – в них «птица» и «курочка» выют гнезда и несут яйца (клубни картофеля):

*Под землей птица
Гнездо свила
И нанесла яиц
[Рыбникова 1932: 135].*

*Курочка пустодом,
Свила гнездо за двором,
Яйца несет,
В землю кладет*
[Рыбникова 1932: 79].

Как и в предыдущих загадках о картофеле, в следующей загадке говорится о том, что данный овощ растет под землей, однако здесь мы встречаем антропоморфную метафору – «семья людей»:

*Без воздуха в темноте
Живет большая семья людей*
[Рыбникова 1932: 423].

Приведем также загадку о картофеле и селедке с использованием вестиментарной артефактной метафоры «мундир»:

*Пришли студенты,
Взялись за инструменты,
И от него остался мундир,
А от нее голова.
Кто были он и она?*
[Рыбникова 1932: 298].

В испанской лингвокультуре немало загадок про томаты, попавшие в Старый Свет из Америки. Общей чертой большей части этих загадок является событийная составляющая – рождения помидора зеленым, смена цвета на красный и дальнейшую продажу овоща на рынке:

*Verde fue mi nacimiento,
Colorado me volví,
Y a la voz de pregonero
En la plaza me vendí*
[Santana 1992: 107].

Я родился зеленым,
А позже стал цветным.
Меня продал на площади
Громкий голос глашатаю.

*Por fuera es colorado,
Por dentro tiene granitos
Que se llaman “josefinas”,
Y se come crudo o frito*
[Santana 1992: 141].

Снаружи он цветной,
А внутри у него семена.
Его можно есть жареным или
сырым.

В загадке о томате, лишенной достоверности, используется звуко-символизм для загадывания овоща. Так, в ней предлагается «выпить чай» (на исп. *toma té* созвучно со словом *tomate* – помидор, томат), а позже отгадывающего просят назвать овощ. В словосочетании *toma té* можно заметить акцент на слове *té* «чай», а комбинация слов в такой последовательности помогает отгадать загадываемое слово, поскольку оно произносится словно по слогам:

*Quieres té, pues toma té,
Díme que hortaliza es*
[Santana 1992: 141].

Неудивительно также наличие большого количества загадок об оливках. Культивирование оливы на территории нынешней Испании началось еще в VIII в. [URL: <https://clck.ru/3FhSgT>], а в настоящий момент на Испанию приходится 70% от всего объема производства оливкового масла в Европейском союзе и 45% в мире [URL: <https://clck.ru/3FhSrj>].

В некоторых загадках мы видим описание качеств денотата – так, оливка загадывается круглой или овальной, горькой и с лечебными свойствами.

*Tengo esférica figura,
Y a las veces prolongada,
Mi amargor la industria cura,
y cualquier persona honrada
me compra, busca y procura*
[Santana 1992: 74].

Я круглая,
А иногда овальная.
Моя горечь целебна.
И любой уважающий себя
человек
Покупает меня.

Однако в большинстве загадок мы наблюдаем событийность: переодевание оливки из зеленого в траурное черное одеяние:

*Verdes fueron mis principios
Y de luto me vestí
Y ahora que estoy de negro
Hacen justicia de mí*
[Santana 1992: 97].

Сначала я была зеленая,
Но позже оделась в траурное.
А сейчас, когда я черная,
Надо мной вершат
правосудие.

В похожей загадке мы встречаем артефактную метафору золота – под «истязанием» оливок на мельнице подразумевается процесс производства оливкового масла, имеющего золотистый цвет:

*Verde fue mi nacimiento,
Y de luto me vestí;
Las ruedas me atormentaron,
Y oro fino me volví*
[Santana 1992: 128].

Родилась я зеленой,
Но позже оделась в траурное.
Меня истязали на мельнице,
Чтобы я стала чистым
золотом.

В загадках об оливках мы находим частое обращение к религиозным метафорам – в одной из них сосуд, в котором хранятся оливки сравнивается с «монастырем», в другой – с «церковью из глины» (глиняный кувшин). В первой загадке черные оливки предстают в образе монахинь, облаченных во все черное. Во второй загадке зеленые и черные оливки показаны в образе черных и зеленых министрантов. Таким образом, в обеих загадках используются также антропоморфные метафоры.

*Cien damas en un convento,
Y todas visten de negro
[Santana 1992: 97].*

Сто дам в монастыре,
И все облачены в черное.

*La iglesia de barro,
el sacristán de palo,
los monaguillos
verdes y negrillos.
Cuando entra el sacristán,
todos se echan a temblar.
[<https://clck.ru/3FhUYc>].*

Церковь из глины,
А в ней дьячок
И министранты
В зеленом и черном.
Когда дьячок заходит,
Все начинают дрожать.

Среди испанских загадок нами были выявлены загадки о стручковом перце. Он бывает разных цветов, а также может быть как острым, так и сладким, В следующей загадке перцы загадываются как братья в цветных нарядах, без голов и ног, но способные огорчить своего хозяина за то, что он их «искалечил» – разрезал и употребил в пищу:

*Con colorado vestido
Vi juntos muchos hermanos,
Sin cabezas, pies ni manos,
Que a su dueño han afligido,*

Видел я много братьев
В цветных нарядах.
Нет у них ни голов, ни ног,

Porque no los dejó sanos
[Santana 1992: 71].

Огорчили они своего хозяина
за то,
Что он их искалечил.

Интересна загадка о перце с использованием метафоры «церковь», которую мы ранее наблюдали в загадке о яйце и оливке. В отличие от загадки о яйце, в которой в церковь не проникал даже свет, и по аналогии с загадкой об оливке, в данной загадке внутри церкви есть маленькие люди (семена), а также дьячок.

*Iglesia chiquita,
gente menudita,
sacristán de palo,
¿a que no me lo aciertas en un
año?*
[Böhl de Faber 2021: 135].

Маленькая церковь
А внутри – маленькие люди
И дьячок.
Ни за что не угадаешь, что это.

Лук в испанской фольклорной традиции предстает овощем, способным довести до слез всякого, кто начнет «раздевать» его, даже самого сильного. Также таким загадкам о луке свойственна событийность:

*En horca para mi suerte
Nazco debajo del suelo,
Mi fábrica imita al cielo.
Lágrimas causo al más fuerte,
No teniendo desconsuelo*
[Santana 1992: 63].

Я родился под землей,
Моя кожа подражает небу.
Слезы я вызываю у самых
сильных
Даже без тоски.

*En el campo me crié,
Metida entre verdes lazos;*

Родился я в поле
Среди зеленых веревок.

*Aquel que llora por mí,
Ese me hace pedazos*
[Santana 1992: 106].

Тот, кто меня режет,
Уж точно заплачет.

*Fui a la plaza,
Compré en ella,
Vine a mi casa
Y lloré con ella*
[Santana 1992: 129].

Сходил на площадь
И купил его.
Вернулся с ним домой,
После чего заплакал.

В следующих загадках мы встречаем артефактные метафоры. Так, в них говорится, что «от целомудрия» лук одевается во множество рубаш и тканей, рождается среди «простыней с узорами» и «пунцовыми шторами».

*De telas y otras camisas,
Y de castidad me visto,
Comunicación resisto,
A nadie provoco risas,
Porque a lágrimas insisto*
[Santana 1992: 71].

От целомудрия я одеваюсь
Во множество тканей и рубаш.
Не люблю общаться
И не вызываю смеха,
Зато вызываю слезы.

*Tela sobre tela,
Paño sobre paño;
Como no lo aciertes,
No te lo digo en un año*
[Santana 1992: 106].

Ткань поверх ткани,
Так много одежды.
Если не угадаешь, что это,
Сам я тебе не расскажу.

*Entre sábanas de holan
Y cortinas carmesí,
Parió la reina un infante*

Средь простыней с узорами
И пунцовыми шторами
Родила царица дитя,

Más verde que el toronjil

[Santana 1992: 106].

Зеленее мелиссы.

Также в одной из загадок лук предстает существом размером с чашку и с волосами на животе (дословно «пузе») :

Tamaño como una taza

Y tiene pelos en la panza

[Santana 1992: 106].

Размером с чашку

И с волосами на пузе.

Русские загадки о луке по своему содержанию похожи на испанские. В них описана способность лука довести человека до слез и использование артефактных метафор (шуба):

Я вырос на грядке,

Характер мой гадкий:

Куда ни приду,

Всех до слез доведу

[Сборник загадок 1998: 27];

В десять одежек плотно одет,

Часто приходит к нам на обед.

Но лишь за стол ты его позовешь,

Сам не заметишь, как слезы прольешь

[Сборник загадок 1998: 27];

Сидит дед

Во сто шуб одет.

Кто его раздевает,

Тот слезы проливает

Таким образом, в испанской и русской фольклорной традициях лук предстает овощем с «гадким» характером, способным довести до слез всякого, кто начнет «раздевать». Помимо этого, загадки о луке объединяют костюмные коды (гипероним «одежда» и гипонимы типа «рубаша», «накидка», «шуба», «ткани»). Татарских загадок о луке мы не обнаружили.

Похожи на загадки о луке и загадки о чесноке. Так, в следующей загадке, которая является, пожалуй, самой сложной из всех найденных нами испанских загадок о чесноке, он предстает «злобным злодеем», который заставляет других «плеваться» от неприятного запаха, который исходит от людей, съевших чеснок. В этой загадке чеснок персонифицируется – у него «седые волосы» (шелуха), «зеленый наряд» (листья). Он «ленив», поскольку продолжительное время находится под землей, но «прилежен», так как обладает полезными свойствами для организма человека.

<i>¿Quién es aquel perverso villano</i>	Кто этот злобный злодей,
<i>Que vive en la tierra, al revés de</i>	Который живет в земле, в
<i>la gente</i>	отличие от людей.
<i>Vestido de verde y el cabello cano</i>	У него зеленый наряд и седые
<i>Vive en Levante, también en</i>	волосы.
<i>Poniente</i>	Живет он в Леванте, а также в
<i>Es perezoso, tambien diligente</i>	Поньенте.
<i>No tiene amistad con hombres de</i>	Он ленив, но прилежен.
<i>plaza,</i>	Не дружит с людьми с
<i>Sino es de bordón e de calabaza,</i>	площади,
<i>Y luego le escupe si alguno lo</i>	Только если с бродягами.
<i>siente?</i>	Что заставляет других
[Santana 1992: 42].	плеваться.

В других загадках чеснок предстает существом с определенным набором присущих человеку частей тела и органов (голова, зубы, борода), но без рук, ног и рта. Таким образом, по этим ключевым словам мы можем догадаться, что речь идет о головке чеснока и зубчиках чеснока.

Tiene dientes y no come

Tiene barbas y nos es hombre

[Santana 1992: 97].

У него есть зубы, но он не ест.

У него есть борода, но он не
мужчина.

Tiene dientes y no come;

Tiene cabeza y nos es hombre

[Santana 1992: 106].

У него есть зубы, но он не ест.

У него есть голова, но он не
человек.

Una señora peinada,

Peinada a la virué;

Tiene dientes y no boca;

Tiene cabeza y no pies

[Santana 1992: 106].

У этой женщины

Есть зубы, но нет рта,

Есть голова, но нет ног.

Por las montañas de Jaca,

Se pasea un montañés;

Tiene barbas y no brazos;

Tiene cabeza y no pies

[Santana 1992: 106].

По горам города Хака

Идет горец.

У него есть борода, но нет рук,

Есть голова, но нет ног.

Un caballerito

Peinadito a la bombé,

Tiene cabeza y no pie,

Tiene dientes y no tiene boca,

¿Qué es lo que es?

У этого молодого человека

Есть голова, но нет ног.

Есть зубы, но нет рта.

Кто он?

В русских загадках эксплицитно говорится о том, что чеснок похож на лук, и используется метафора родственных отношений, а именно образ брата. Так же, как и в испанской загадке, запечатлён намек на появление неприятного запаха, который может вызвать употребление в пищу чеснока:

Маленький, горький,

Луку брат

[Карпенко 1988: 28].

Вырастает он в земле,

Убирается к зиме.

Головой на лук похож.

Если только пожуюшь

Даже маленькую дольку —

Будет пахнуть очень долго

[Карпенко 1988: 28].

Лишь в русском материале мы выявили загадки про огурцы и тыкву. В них огурец загадывается как «хата» без окон и дверей, но полная людей, т.е. семян, а тыква — как «горница», полная людей. Мы ранее анализировали практически идентичную испанскую загадку о перце, поэтому можем сделать вывод, что в испанской и русской фольклорных традициях универсально образное сравнение овощей со зданиями или закрытыми помещениями, а содержащихся внутри семян — с людьми.

Без окон, без дверей,

Полна хата людей

[Рыбникова 1932: 97].

*Ни окон, ни дверей –
Полна горница людей*
[Рыбникова 1932: 97].

Русская загадка о редисе описывает внешний вид овоща:

*С виду – красная,
А раскусишь – белая*
[Рыбникова 1932: 439].

Загадки о свекле, встречающиеся лишь в сборниках русских загадок, примечательны сочетанием цветовых и артефактных метафор. Так, в них свекла загадывается как «красненький башмачок» или «красные сапожки», находящиеся под землей:

*Красненький башмачок,
В земле светится*
[Рыбникова 1932: 282].

*Красные сапожки,
В землю ушли*
[Рыбникова 1932: 112].

*Вверху зелено,
Внизу красно,
В землю вросло*
[Рыбникова 1932: 80].

В загадке о хрене растение предстает шутом с бородой:

Шут в луже,
Борода наруже
[Рыбникова 1932: 160].

Таким образом, наибольшее количество загадок о растениях и овощах было найдено в сборниках испанских загадок, тогда как традиционных татарских загадок об овощах мы не обнаружили. Испанские загадки отличаются своим объемом, сложными метафорами, обилием религиозных метафор (церковь, монастырь, монахини, дьячок, министранты) и метафор, связанными со смертью (траурная черная одежда у оливок), что подтверждает слова А.В. Бакановой о том, что в испанских загадках может отражаться религиозная традиция и представления, связанные со смертью [Баканова 2023: 160]. Также в испанских загадках об овощах немало антропоморфных метафор. Примечательна также схожесть испанских и русских загадок о луке и чесноке.

3.8. Загадки о фруктах и ягодах

В нашу картотеку попало большое количество загадок о фруктах и ягодах. Так же, как в случае с загадками о растениях и овощах, наибольшее количество таких загадок оказалось на испанском языке.

Согласно данным Университета имени Пабло де Олавиде, по состоянию на 2023 г. Испания является первой страной в мире по площади виноградников и третьей по производству вин [URL: <https://clck.ru/3FhgX2>]. Также в статье приводятся данные о том, что виноделие на территории нынешней Испании зародилось в период с 6000 до 5000 г. до н.э. Это объясняет тот самыми многочисленными среди испанских загадок оказались загадки о винограде.

Только в одной традиционной испанской загадке загадываются качества самого денотата (винограда) без намека на последующее производство из него вина.

*A veces blanquita,
A veces negrita,
Y siempre bolita
[Santana 1992: 140].*

Иногда беленький,
Иногда черненький,
Но всегда кругленький.

В остальных найденных нами загадках мы наблюдаем прямую или скрытую отсылку к процессу производства вина. В одних мы видим антропоморфные метафоры и способность вина «вскружить голову», в других – способность охлаждать человека в жару:

*Somos muchas compañeras
Que unidas y de un color
Gustamos de tres maneras,
Aunque alguna tal cual vez
Trastornamos la mollera*

Нас, девушек, много,
Одеты мы одинаково и
держимся вместе.
Иногда мы можем
Вскружить вам голову.

[Santana 1992: 141].

*De enana madre nacidas
Somos, con agrio sabor,
refrescamos el calor,*

Mas después de bien crecidas

Damos caliente licor

[Santana 1992: 74].

Родились мы от небольшой
матери,

Наш терпкий вкус охлаждает
вас в жару.

И когда мы подрастем,

Из нас получается крепкий
алкоголь.

В следующих загадках мы видим практически весь жизненный цикл винограда – его срывают, после чего он «умирает», с него снимают кожицу и перемалывают, а также выжимают, чтобы получить вино:

*Soy redonda como el mundo,
al morir me despedazan,
tengo un montón de arrugas,
que de mí no se separan*

[Santana 1992: 140].

Я круглый, как Земля.

Когда умираю, меня
размалывают,

У меня много морщин,

От которых не избавиться.

*Soy redonda como el mundo;
al morir me despedazan,
me reducen a pellejo
y todo el jugo me sacan*

[Santana 1992: 105].

Я круглый, как Земля.

Когда умираю, меня
размалывают,

С меня снимают кожицу

И выжимают из меня все соки.

Отдельно стоит рассмотреть загадку о винограде с религиозной метафорой – так, в ней виноград предстает подданным, который предстает

перед судом инквизиции. После, мертвого, его в течение года пытаются в попытке разобраться, что он натворил:

*A la inquisición llevaron
A una porción de sujetos,
Y muertos que fueron estos,
Sus restos depositaron,
Y el año de ellos sacaron
Al origen de sus pleitos
[Santana 1992: 141].*

На инквизицию привезли
Группу подданных.
После их смерти
Остатки убрали на хранение
И в течение года из них
вытягивали
Причину их поведения.

Загадки об апельсинах изобилуют артефактными метафорами драгоценных металлов. Так, в одном из них мы видим отсылки к бронзе, серебру и золоту:

*De bronce el tallo,
Las hojas de esmeralda,
De oro la fruta,
Las flores de plata
[Santana 1992: 133].*

Из бронзы – стебель,
Из изумруда листья.
Из золота плод,
Из серебра – цветок.

В других загадках мы наблюдаем антропоморфные метафоры: апельсины предстают в образе дамы, а также имеет имя:

*Nació blanco y oloroso
Con el nombre de varón,
De varón pasó a mujer
Con lindo color de tez
[Santana 1992: 134].*

Родился белым и ароматным
И имел мужское имя.
Позже сменил его на женское
И приобрел красивую кожу.

*Muchas damas en un castillo,
Todos visten de amarillo*
[Böhl de Faber 2021: 122].

Много женщин во дворце
Облачены в желтое.

Загадки о гранате примечательны своими метафорами. В одной из них используется религиозная метафора («церквушка»), полная людей. Данная загадка напоминает загадку о яйце, поскольку у церкви нет ни дверей, ни замка, но в то же время схожа с загадкой о перце, в которой говорится, что церковь полна маленькими людьми.

*Una iglesita
Llena de gente,
No tiene puerta
Por donde entren*
[Santana 1992: 107].

Церквушка,
Полная людей.
У нее нет дверей,
Так что в нее не зайти.

Величественный образ граната мы наблюдаем в загадке, в которой ему приписываются королевское происхождение, благодаря которому в его честь называли целый испанский город – Гранада (исп. *Granada*). В данной работе мы впервые встречаем отсылку к топонимам, хотя, как пишут О.С. Чеснокова и Роберто Монфорте Дюпре в своей работе, опубликованной в журнале Университета Гранады, топонимия и фольклор взаимосвязаны, а загадки о городах и их названиях (ойконимах) имеются в любой лингвокультуре [Чеснокова, Монфорте Дюпре 2023: 16].

*De casta de reyes vengo,
La nobleza me acompaña
Y del mismo nombre tengo
Una ciudad en España*

Я происхожу из рода королей
Я благороден настолько,
Что мое имя носит
Целый город в Испании.

[Santana 1992: 107].

Желтая слива загадывается как фрукт желтый как снаружи, так и изнутри:

*Símil y serva
Cantaba la perra,
un árbol de esta manera,
con muchas frutitas
amarillas por dentro,
amarillas por fuera*
[Santana 1992: 140].

Дерево с множеством
фруктов,
Желтых внутри и желтых
снаружи.

Несложной для отгадывания является и загадка про лимон, который является кислым и обычно употребляется в пищу в виде сока:

*Agrio es su sabor;
Bastante dura su piel
Y si lo quiere tomar
Tienes que estrujarlo bien*
[Santana 1992: 141].

На вкус – кислый,
А кожа твердая.
И чтобы попробовать,
Его сначала необходимо
выжать.

Также нами были найдены загадки о фруктах, которые основаны на звукосимволизме. В отличие от предыдущих загадок с использованием игры слов (например, в отличие от загадки о помидоре), в следующих загадках о платане и груше есть не только игра слов, но и дополнительные подсказки в виде описание качественных характеристик денотата.

Так, в загадке о платане (исп. *plátano*) говорится, что он не является серебром, на испанском *plata no es*, что созвучно с *plátano es* – «это платан». Вдобавок к этому дается подсказка о том, что фрукт похож на золото:

*Oro parece,
Plata no es;
El que no lo acertere
Bien bobo es*
[Santana 1992: 105].

Похож на золото,
Но точно не серебро.
Тот, кто не угадает что это,
Должно быть глупый.

В двух загадках о груше (исп. *pera*) используется глагол *esperar* (ждать), причем в двух формах – в форме повелительного наклонения 2 л. ед. ч. и в форме 3 л. ед. ч. (в обоих случаях *espera*, что созвучно с *es pera* – «это груша»):

*Dulce, blanca y amarilla,
A todito el mundo agrado.
¿Deseas saber quién soy?
Espera, ¿estás enterado?*
[Santana 1992: 107].

*¿Qué es una cosa que espera,
En nuestra sangre volverse?
Está verde por de fuera
Y también suele venderse*
[Santana 1992: 107].

Среди русских загадок нами были также было обнаружено большое количество народных загадок о фруктах и ягодах. Так, например, нами была найдена загадка о яблоке, которая связана с религией, а именно с Яблочным Спасом:

Пришел спас, разговел всех нас

[Митрофанова 1978: 26].

В другой загадке событийно описывается процесс созревания яблока и тот факт, что оно нравится детям:

Сперва белое, как снег,

После зеленое, как клевер,

Затем красное, как кровь,

Для детей очень вкусное

[Рыбникова 1932: 80].

Как отмечала В.В. Митрофанова, народных загадок о яблоке мало [Митрофанова 1978: 26], поэтому в основном они встречаются в современных сборниках детских загадок:

Круглое, румяное,

Я расту на ветке:

Любят меня взрослые

И маленькие детки

[Карпенко 1988: 61].

Покуда было малым,

Не падало оно,

А выросло — упало.

Не правда ли, смешно?

[Карпенко 1988: 61].

Очень похожа на испанскую и русская загадка о сливе, в которой говорится о том, что изнутри слива желтая. Также в данной загадке используется артефактная метафора «синий мундир»:

Синий мундир,

*Желтая подкладка,
В середине гладко*
[Рыбникова 1932: 283].

В загадках о землянике мы часто встречаем цветовую метафору – «алый огонек», «красный катышок», «зеленый черешок»:

*На припеке у пеньков
Много тонких стебельков.
Каждый тонкий стебелек
Держит алый огонек.
Разгибаем стебельки —
Собираем огоньки*
[Сборник загадок 1998: 28].

*Красный катышок,
Зеленый черешок*
[Рыбникова 1932: 159]

В следующей русской загадке дается менее метафоричное, но более подробное описание земляники; дана подсказка в виде этимологии слова «земляника» («имя дала мне родная земля»). Ягоду называли так потому, что плоды её висят близко к земле. Также дается отсылка к месту произрастания ягоды – кустам с тонким стеблем («на тоненькой ножке»). Помимо этого, подсказкой выступает вид («событие», по Г.П. Мельникову) сбора ягод: «кто любит меня, тот и рад поклониться», «плетут для меня кузовки и лукошки»:

*Я капелька лета
на тоненькой ножке.
Плетут для меня*

кузовки и лукошки.
Кто любит меня,
тот и рад поклониться.
А имя дала мне
родная земляца
[Сборник загадок 1998: 29].

Среди русских загадок также есть загадки про смородину, как красную, так и черную. В русской лингвокультуре красная и черная смородина предстают сестрами, которые меняют цвет при «событии» созревания:

Две сестры летом зелены,
К осени одна краснеет, другая чернеет
[Загадки народов России 2001: 79].

В сборниках русских народных загадок нами не обнаружено загадок о голубике; в современных же, часто, авторских, образцах, отгадывающего «подводят к решению» за счет аллитерации и рифмы:

Что за ягода в лесах
Поспевает на кустах?
Синие плоды, с налётом,
Из Сибири снежной родом.
Плотно гроздьями висят
Привлекая к себе взгляд.
Не брусника, не черника...
А зовут как? ... (голубика)

[URL: <https://millionzagadok.ru/rifma/golubika.html>]

Нами была найдена и загадка и о самой чернике:

Черненька, маленька, сладенька,

Ребятам миленька

[Рыбникова 1932: 276].

Русская загадка про черную смородину более «событийна» и прозрачна по внутренней форме для носителя русской лингвокультуры:

Черных ягод пышный куст —

Хороши они на вкус!

[Сборник загадок 1998: 29].

В русской загадке о черемухе описываются этапы цветения растения: от набухания белых почек до созревания черных плодов-костянок, т.е. акцент делается на событийности, по Г.П. Мельникову:

Будто снежный шар бела,

По весне она цвела,

Нежный запах источала.

А когда пора настала.

Разом сделалась она

Вся от ягоды черна

[Сборник загадок 1998: 51].

В нашей картотеке из имеющихся сборников русских народных загадок не оказалось загадок о можжевельнике. Современные же авторы русских загадок охотно прибегают к можжевельнику как к загадываемому объекту из-за звуковой формы соответствующей лексеме. Вот образец авторской загадки, с подсказкой в виде аллитерации и рифмы:

*Я не чудо-елочка,
Хоть растут иголки.
Шишкоягоды на мне,
Но не братик я сосне,
Не деревья ельника Кустик – ...?» (Можжевельника)*
[URL: <https://stihi.ru/2012/06/29/7763>].

Татары также употребляли в пищу дикоросы: исторически в летнее время они занимались сбором орехов, дикорастущих ягод (малины, земляники), диких яблок, съедобной зелени. Из сушеных ягод готовили пастилу, а отвары из мяты, липового цвета и малины применяли при простудных заболеваниях [Татар милли ашлары 2020: 46].

Испанские и русские загадки о фруктах выделяются событийностью, а также использованием антропоморфных метафор. Отличительной чертой испанских загадок является также использование религиозных метафор. Загадки о дикоросах в русской лингвокультуре тяготеют к современным, авторским образцам с рифмой, подсказывающей ответ. Татарских загадок о фруктах и ягодах нами обнаружено не было.

3.9. Загадки об орехах

В испанских загадках об орехах мы часто встречаем метафору закрытого помещения («сундучок», «темная комната»), в котором орех находится в «заточении». Также мы в этих загадках наблюдаем антропоморфную метафору – «благородный мужчина», «тысяча соседей». В одной из загадок говорится, что сундучок был сотворен самим Богом:

*De árbol, cuello y ballesta
Soy de los hombres nombrada;
Suelo estar encarcelada,
De piernas estoy compuesta,
Muero siempre quebrantada
[Santana 1992: 81].*

Расту я на дереве
Я из благородных мужчин.
Обычно я нахожусь в
заточении,
А умираю всегда разбитым.

*Arca chiquita, de buen parecer,
Ningún carpintero la ha podido
hacer,
Sino Dios con su poder
[Santana 1992: 95].*

Небольшой сундучок,
Который сотворил не плотник,
А сам Бог.

*En un cuarto muy oscuro
Cuarto piernas vi yo estar;
No son de persona humana,
Ni tampoco de animal
[Santana 1992: 108].*

В очень темной комнате
Есть четыре ноги
Что не принадлежат ни
человеку, ни животному.

*Más de cien vecinos
Cada uno en su sala,
Que nunca se juntan*

Тысяча соседей
Сидят в своих комнатах
И никогда не встречаются,

Y nunca se hablan
[Santana 1992: 118].

И никогда не разговаривают.

Примечательны загадки о лесном орехе, построенных на игре слов. В них по отдельности используются части слова *avellana* (с исп. орех). В одной говорится, что загадываемый объект не птица (*ave*), но полный (*llena*). В другой – что у него имя птицы (*ave*), а сам он также полный (*llena*):

*No soy ave, cosa es llana,
Aunque estar en alto suelo,
Porque ni corro ni vuelo;
Soy una simple serrana,
Hija de un hijo del suelo*
[Santana 1992: 64].

*Ave tengo yo por nombre
Y es llana mi condición.
El que no me lo acertare,
Le digo que es un simplón*
[Santana 1992: 108].

Русские загадки про орехи строятся прежде всего вокруг описания лесных орехов (лещины), при этом активны «костюмные компоненты» [термин М.Л. Ковшовой; Ковшова 2021: 33]:

*Маленький мужичок
Костяная шубка*
[Загадки народов России 2001: 76].

Мальчик-крошка

В костяной одежке

[Загадки народов России 2001: 76].

Стоит на поле кудрявый Ваня в зеленом кафтане.

Богач не велик, а гостинцами одарит (орешник)

[URL: <https://zooclub.ru/skazki/zagadki/zagadki-pro-orehi.shtml>].

Он и грецкий, и кедровый

В скорлупе созрел для всех.

Он не синий, не бордовый,

А коричневый... (орех)

[URL: <http://zagadki-pro.ru/zagadki-s-otvetom-oreh/otvet-v-rifmu/>].

По аналогии с рассмотренной испанской загадкой в следующей загадке используется метафора узника в заточении:

В крепкой темнице

Живет узник без пищи

[Рыбникова 1932: 422].

Также в одной из загадок скорлупа ореха называется «костяной кожей»

Кто лежит в костяной коже?

[Рыбникова 1932: 134].

В следующих русских загадках об орехе мы наблюдаем событийность, а именно тот факт, что орехи при употреблении часто остаются в зубах

Росло, повылезло,

Из кустов повылезло,

*По рукам покатилося,
На зубах очутилось*
[Рыбникова 1932: 111].

*Чем дальше ем,
Тем больше остается*
[Рыбникова 1932: 274].

Испанские и русские загадки об орехах объединяет наличие артефактных метафор («костяная одежда», «сундук»). Отличительная черта испанских загадок заключается в использовании игры слов.

3.10. Загадки о напитках

Загадки о воде как о напитке были обнаружены лишь в сборниках испанских загадок. Для испанцев вода была не менее важна, чем вино, и поэтому была постоянным гостем испанского стола [Раевская, Киселева 2015: 83]. Согласно найденной нами загадке, это также связано с жарким климатом Испании, при котором человек вынужден чаще пить воду. В данной загадке вода предстает сущностью без запаха и вкуса, но являющуюся одним из лучших напитков в жаркую погоду.

*No mantengo al cuerpo humano,
Ni tengo sabor ni olor,
Y en tiempo que hace calor,
Si me arriman bien la mano
Soy agradable licor
[Santana 1992: 66].*

Меня нет в человеческом теле,
У меня нет ни запаха, ни
вкуса.
И в сильную жару
Я один из лучших напитков.

Следует отметить, что в испанском языке немало пословиц про воду. Так, например, в некоторых из них говорится не столько про полезные свойства воды, сколько про рациональную пользу употребления воды и негативные последствия употребления вина:

*Agua no enferma, ni embeoda ni
adeuda
[Раевская, Киселева 2015: 83].*

От воды не заболеешь, не
опьянеешь и влезешь в долги.

*Buena es el agua que cuesta poco
y no embriaga
[Раевская, Киселева 2015: 83].*

Вода хороша, поскольку стоит
дешево и не опьяняет.

Загадки о воде присущи испанской лингвокультуре и отсутствуют в русской и татарской. Однако противоположную картину мы наблюдаем с загадками о чае, которые встречаются лишь в сборниках русских и татарских загадок.

Потребление чая русскими не является исконным обычаем, поскольку этот напиток, появившийся в Китае около 5000 лет назад, обрел популярность в России лишь в XVII-XVIII вв. [Чай в историческом, культурном и медицинском аспекте 2020: 9]. Позже у сибирских народов появилось немало ритуалов, связанных с чаем, а в настоящее время в жизни русских чай является одной из составляющих этнокультурной идентичности.

Самые ранние русские загадки о чае приходятся на первые годы появления в России чая, отсюда и двойное отношение к этому напитку:

*Возьмешь – черно,
Нальешь – красно;
В старину говорили – гадко,
А теперь всем сладко*
[Митрофанова 1978: 26].

Несмотря на обилие в настоящее время сортов чая, изначально русские использовали именно черный чай, откуда следующая народная загадка:

*Черненько, горяченько,
А все любят*
[Загадки народов России 2001: 34].

Как в народных, так и в современных русских загадках часто подчеркивается азиатское происхождение чая:

Свили меня,

*Спеленали меня,
И бросили в Китай-город*
[Загадки русского народа 1959: 86].

*Восточное изобретенье –
К нему желательно варенье.
Но, если такового нет,
Сойдет и парочка конфет.
Напитка и в жару нет лучше,
Да и на Севере зимой:
Он в зной облегчит Вашу душу,
Согреет зимнею порой*
[URL: <https://zagadka-otvet.ru/zagadki-pro-chaj.html>].

В другой загадке зашифрован процесс заваривания чая:

*До употребления сухой,
После употребления сырой*
[Рыбникова 1932: 300].

Очевидно, русские загадки о чае в основном развлекательно-дидактические.

К загадкам о чае примыкают многочисленные загадки о дикоросах: растениях и ягодах, используемых при заваривании чая и идущих в пищу. Вот образец русской загадки, которая реалистично отражает возможность заваривания и целебные свойства настоя из цветов и ягод:

*Смесь из листьев и цветов
Заварил, и он готов!*
[URL: <https://zagadka-otvet.ru/zagadki-pro-chaj.html>].

Чай является возможно, самым популярным напитком у татар. Чай был любимым напитком татарских женщин – их посиделки не обходились без чаепития [Татар милли ашлары 2020: 57]. Отсюда татарская пословица:

*Чәй эчәргә ойрәнгәч, жеп
эрләуне оныттым*

[Татар милли ашлары 2020:
57].

Научилась пить чай – позабыла
про пряжу.

Несмотря на любовь татар к чаю, среди татарских загадок мы не встречаем загадок о чае, однако мы находим татарский баит (жанр поэтического творчества татарского народа – прим. автора) в котором чай восхваляется и называется «даром»:

*В этом мире у Аллаха
много разных вкусных яств,
Не сравниться им, однако,
с чаем, главным из лекарств.
Столько ценных и целебных
свойств не сыщишь у других.
В сытых превратит голодных,
в юных – старых и больных.
В знойный день порой случится
с мужем солнечный удар,
Выпьте он немного чаю
и воспрянет – чудный дар!
Может быть, зимою, в стужу,
весь продрогнет человек,
Чай нальют из самовара –
счастлив он, здоров навек*

[Татар милли ашлары 2020: 57].

Также нами были найдены загадки о самоваре, который служил одним из символов татарского чаепития и нередко был предметом украшения интерьера [Татар милли ашлары 2020: 40].

<i>Башы да тишек,</i>	И голова дырява,
<i>Тебе дә тишек,</i>	И дно дыряво,
<i>Уртасында – ут,</i>	В середине – огонь,
<i>Әйләнә-тирәсәндә – су</i>	Вокруг – вода.
[Татар милли ашлары 2020: 41].	

Примечательна следующая загадка, в которой мы встречаем антропоморфную метафору – самовар предстает сущностью с носом, ртом, ушами и ногами, однако не дышит, не ест, не слышит и не ходит:

<i>Борыны бар – суламый,</i>	Нос есть – не дышит,
<i>Авызы бар – ашамый,</i>	Рот есть – не кушает.
<i>Колагы бар – ишетми,</i>	Ухо есть – не слышит,
<i>Аягы бар – атламый,</i>	Нога есть – не шагает,
<i>Су эчүдән туктамый.</i>	А пить не перестает.
[Татар милли ашлары 2020: 41].	

С точки зрения этнокультурологии примечательна загадка про квас – традиционный русский напиток, который готовят из различных сортов муки хлеба:

Не вода, а жидкое,
Не человек, а бродит
[Рыбникова 1932: 440].

Загадки об алкоголе и спиртных напитках мы обнаружили во всех трех лингвокультурах.

Самыми многочисленными оказались испанские загадки о спиртных напитках, среди которых нередко встречаются различные варианты одной загадки о вине.

Вино по сей день остается одним из самых любимых напитков испанцев, который часто сопровождает прием пищи. Подтверждением этому являются не только многочисленные испанские пословицы о важности вина, но и постоянное сравнение воды и вина, которое мы наблюдали даже в пословицах о воде. Сам факт того, что вино у испанцев соперничает с водой за звание самого главного напитка, говорит о его ценности для жителей Испании.

Так, в одной из пословиц говорится, что плохое вино лучше хорошей воды. В других вино сравнивается с королем, а то, кто не ест без вина, называется нищим либо безумцем.

Más vale vino malo que agua buena

[Раевская, Киселева 2015: 83].

Лучше плохое вино, чем хорошая вода.

Comer sin vino, comer mezquino

[Раевская, Киселева 2015: 83].

Поесть без вина значит поесть плохо.

Comer sin vino es miseria o es desatino

[М.М. Раевская, Л.Н. Киселева 2015: 83].

Кто ест без вина, тот нищий или безумец.

El agua como buey, el vino como rey

Вода — как бык, вино — как король.

Что касается испанских загадок о вине, то они отличаются развёрнутостью и метафоричностью.

В следующей загадке мы видим сразу несколько метафор – бочки, бутылки и кувшины сравниваются с тюрьмой; а люди, что бросили вино в тюрьму, сделали это не из плохих побуждений, а чтобы сохранить его свойства и позже выпить его за застольем с близкими, поэтому они являются друзьями вина. Далее вино предстает существом без ног и рук, однако достаточно ловким, чтобы, попав в организм человека, начать свой путь от желудка до головы человека.

*En una cárcel me echaron
Mis amigos más que hermanos,
Y ellos con sus propias manos,
De la prisión me sacaron:
Y por confirmar la paz,
Me encierran en sus entrañas.
Yo sin tener pies ni manos
Me vengo por ser sagaz*
[Santana 1992: 41].

Те, кто бросили меня в тюрьму,
Скорее друзья мне, а не братья.
И позже своими собственными
руками,
Они вытащили меня из
тюрьмы.
И ради подтверждения мира
Они заперли меня в своих
недрах.
У меня нет ни ног, ни рук,
Но я очень ловок.

Для понимания первой строчки следующей загадки требуется сообразительность и внимательность – *he llegado* переводится как «я прибыл» или «я приехал» (глагол *llegar* (добраться, приехать) в 1 л. ед.ч. в сложном прошедшем времени *pretérito perfecto compuesto*). Те, кто говорят, что «я прибыл», в прямой речи говорят «он прибыл», т.е. *ha llegado* (3 л. ед. ч) или

vino (глагол *venir* (добраться, приехать) в 3 л. ед. ч в прошедшем простом времени *pretérito indefinido*). Таким образом, *vino* в значении вина и *vino* в значении он прибыл являются омонимами.

При этом, как и в предыдущей загадке, вино не умеет ходить (*y en andar me quedo corto*), однако может свалить с ног других; а для кого-то вовсе может быть радостью и утешением, что говорит о положительном воздействии вина при употреблении напитка в разумных нормах и негативных последствиях при злоупотреблении им.

*Que he llegado dicen todos,
Y en andar me quedo corto,
Mi virtud es de mil modos,
Unos derribo en los lodos,
Otros alegre y conforto*
[Santana 1992: 71].

Все говорят, что я пришел,
Пусть и хожу я плохо.
У моей добродетели много
проявлений:
Одних валю с ног,
Других – радую и утешаю.

Нами была найдена еще одна загадка, в которой используется прием с омонимом *vino*, а именно *vino cierto anciano un día*, что переводится как «пришел однажды старик». В данной загадке старик загадывает слово и говорит, что в его названии кроется тайна. На просьбу рассказать, что это за слово, он отвечает тем, что его можно найти в первой строке.

Vino cierto anciano un día

Y, ufano con su valía,

Me aseguró que en su nombre

Un gran misterio hallaría.

- *En confusión me habéis puesto*

Diga, anciano, la verdad.

- *Diré que en primer verso*

La veréis con claridad.

[Santana 1992: 105].

В загадке, в которой загадываются вино (*vin*) и уксус (*vinagre*), жидкости называются «братьями». Один из братьев (вино) появляется на мессе, а другой – нет. Здесь мы наблюдаем церковную метафору – один из братьев является вином, используемым в католической мессе.

*Dos hermanos son,
Uno va a misa y el otro no*
[Santana 1992: 92].

Их два брата,
Но лишь один из них ходит на
мессу.

Помимо загадок о вине, в нашей картотеке имеется испанская загадка-звукосимвол о водке (на исп. *aguardiente*). Так, части слова – *aguar* и *diente* – скрыты в первых двух строчках загадки. А тот, кто не может отгадать загадку, называется ослом.

*Aguar pasó por mi puerta,
Diente de mi corazón;
El que conmigo no acierte,
Es un gran borricón*
[Santana 1992: 127].

Так же, как и в испанских, в русских пословицах и загадках нередко восхваляются спиртные напитки и приписываются полезные свойства, которыми они в действительности не наделены. Например, в пословице «спирт — пользительная дурь: душегрейка» говорится о свойстве алкоголя согревать тело, тогда как расширение сосудов в коже и усиленная теплоотдача после употребления алкоголя ведут к ускоренному остыванию организма. Или, например, «пьян да умен—два угодыя в нем», «пей до дна— наживешь

ума». Данные пословицы также являются ошибочными, поскольку алкоголь приводит к снижению умственных способностей.

В следующей загадке мы также видим ошибочное народное мнение о пользе алкоголя. Кратковременные живость ума и бодрость тела ведут к последующему истощению организма.

*Старухе ноги поднимает,
Старику глаза протирает*
[Загадки русского народа 1959: 86].

*Долго кипела
Да скоро на стол поспела*
[Загадки русского народа 1959: 86].

В другой загадке о водке используется зооморфная метафора «змея зеленый»:

*За стеклом и под печью
Змея зеленый дремлет сладко*
[Рыбникова 1932: 424].

Однако следующая загадка про вино наиболее точно передает последствия чрезмерного употребления алкоголя:

*Стоит море
На пяти столбах;
Царь говорит:
«Потеха моя!»
А царица говорит:
«Погибель моя!»*
[Загадки русского народа 1959: 86].

Несмотря на то, что татары следуют требованиям шариата, который ограничивал, помимо прочего, употребление напитков, содержащих алкоголь, мы все же встречаем загадки про водку. В отличие от русских пословиц и загадок, в которых водке приписывались полезные свойства, в татарских загадках мы наблюдаем негативный и деструктивный образ водки: она предстает «разорителем карманов» и причиной безумия, а также способной привести в бешенство самого дьявола.

*Кеше нәфсен алдаткыч,
Алданганны көлдергеч,
Кесәләрне бөлдергеч*
[Махмутов 2014: 242].

Обманщик человеческих
страстей,
Смехотворно обманчивый,
Разоритель карманов.

*Тышы — пыяла,
Эче — дивана*
[Махмутов 2014: 242].

Снаружи – стекло,
Внутри – безумие.

*Өстәлгә килеп утырды,
Шуңа җенем котырды*
[URL: https://ilbyak-school.ucoz.ru/blog/azyk_t_lek_ash_su_zerl_ashau_ehch/2012-01-02-732].

Сел за стол,
И черт пришел в бешенство.

Таким образом, в загадках испанской лингвокультуры доминирующим напитком является вино, которое для испанцев не менее ценно, чем вода. В русской и татарской лингвокультурах найдены загадки о водке, которые, в отличие от загадок и вине, чаще фокусируются на негативном влиянии напитка на человека.

3.11. Выводы по Главе 3

В данной главе были выявлены этнокультурные характеристики испанской, русской и татарской глуттонических систем и проанализировали основные конститутивные признаки испанского, русского и татарского гастрономического дискурса, представленного в загадках.

Анализ корпуса загадок трех лингвокультур показал, что доминирующими загадками в испанской лингвокультуре являются загадки о фруктах и овощах, что определено климатическими, историческими и социальными условиями страны. В сборниках испанских загадок было обнаружено незначительное количество загадок о мучных изделиях и мясных продуктах, и немало загадок о пшенице. Этнокультурологически симптоматично, что среди испанских загадок мы не находим ни одной загадки о блюде или приготовлении блюда, тогда как установлено большое количество русских и татарских загадок и блинах, супах, пирогах.

Наблюдается большое количество испанских загадок с использованием игры слов, звукосимволизма и религиозных метафор.

Загадки всех трех исследуемых лингвокультур богаты метафорами – вестиментарными, артефактными, антропоморфными и зооморфными.

Было установлено, что самое большое количество русских загадок глуттонического кода – о мучных изделиях, фруктах и ягодах и напитках. Многие русские загадки схожи по своей логике, событийности и по использованным метафорам с испанскими загадками.

Татарские загадки, по сравнению с испанскими и русскими, выделяются обилием загадок о мучных изделиях и готовых блюдах. При этом среди татарских загадок не было обнаружено загадок о яйце, овощах и фруктах, молочных продуктах. Для татарской лингвокультуры типичны загадки о хлебе, блинах и таких национальных татарских блюдах, как печеный пирог с разнообразной начинкой *бэлеш* (татар. *бәләш*) и перемечи (татар. *пәрәмәч*).

Загадки об алкоголе присутствуют в русском и татарском фольклоре, что связано с традициями народной кухни и пищевыми предпочтениями.

Загадки о пище выполняют важную роль традиционных речевых форм и практик в формировании языковой идентичности испанцев, русских и татар, и, очевидно, любого этнического сообщества. Сопоставление загадок на материале различных лингвокультур может служить инструментом эвристического выявления «непохожести» иных народов, единых в своей человечности.

ГЛАВА 4. ВЕСТИМЕНТАРНЫЙ КОД ИСПАНСКИХ, РУССКИХ И ТАТАРСКИХ ЗАГАДОК ОБ ОДЕЖДЕ И АКСЕССУАРАХ

Для данной главы было изучено порядка 60 испанских, русских и татарских загадок о предметах одежды. Исследование показало, что реалии испанского и русского мира повседневности, вестиментарный код испанской и русской лингвокультур выступают как организующие доминанты данного тематического пласта загадок. Для удобства изложения материала имеющиеся в нашей картотеке загадки мы объединили в четыре группы.

Таблица 3. Категоризация загадок о предметах одежды.

№	Группа
1	Загадки о повседневной одежде
2	Загадки об обуви
3	Загадки о головных уборах
4	Загадки об аксессуарах

В группу «загадки о повседневной одежде» попали загадки о платье, шубе, брюках, свитере, халате. В загадках об обуви выделяются русская и татарская лингвокультура, в которых мы встречаем традиционные предметы – русские лапти и валенки, и татарские лапти *чабата* и *ичиги*. В загадках о головных уборах выделяются испанские загадки о сомбреро – традиционном головном уборе жарких стран, в частности испаноязычных; среди загадок об аксессуарах – испанские загадки о веере, а также русские и татарские загадки о варежках и перчатках.

4.1. Загадки о повседневной одежде

Анализ загадок о предметах одежды предлагаем начать с рассмотрения испанской загадки об отсутствии одежды. Испанская лингвокультура выделяется среди трех рассматриваемых нами лингвокультур тем, что только в ней мы обнаруживаем загадки не только о еде и одежде, но и о голоде; не только загадки об одежде, но и об отсутствии одежды на человеке. В следующей загадке отгадывающему задается вопрос «Что делает нагую женщину похожей на волка?» с ответом «отсутствие на ней одежды»:

*¿En qué se parece una mujer en
cueros a un lobo?*

(En que no tienen ropa)

[Santana 1992: 91].

Что делает нагую женщину
похожей на волка?

Также среди испанских загадок об одежде мы обнаружили загадку о белой ткани, из которой делают вещи. В ней присутствует событийность – сначала мы видим промывку ткани и ее подготовку к процессу изготовления одежды, а позже и то, как из старой одежды изготавливают бумагу. Согласно загадке, бумагу, в свою очередь, позже используют для изготовления книг, которые умеют разговаривать со своими читателями, будучи при этом глухими и немыми.

*Críome alguno pulida y hermosa
Mas blanca que nieve caída en el
prado,*

*La madre me muele, la hija me
moja,*

*Su cuerpo les cubro a mal mio
grado.*

Я выросла гладкой и красивой,
И белее снега, выпавшего на
лужайке.

Мать меня выжимает, дочь –
намачивает,

А я покрываю их тело, как
могу.

*Mis carnes me cortan con hierros
agudos*

*Por darles contento a todas
naciones,*

*Y luego procuran con sus
invenciones*

*Que muestre a hablar los sordos,
y mudos.*

[Santana 1992: 44].

Меня режут острым железом,
Чтоб приносила я радость
всему свету.

Но и потом они не перестают
изобретать,

Делая из меня вещь, что
разговаривает, будучи глухонемой.

В следующей загадке о платье наблюдается повествование от первого лица. В ней платье защищает человека от холода и зноя, не будучи крышей или зонтом:

*Yo te protejo del frío
y de los rayos del sol;
no soy guante ni sombrero
ni techo, ni parasol.*

[Santana 1992: 141].

Я защищаю тебя от холода
И от солнечных лучей.
Я не перчатка и не сомбреро.
Я не крыша и не зонт.

В испанских сборниках загадок немало загадок о штанах. Одна из них предлагает отгадывающему засунуть в них ногу, другая является загадкой-задачей и примечательна нацеленностью на узнавание буквенно-фонемной структуры отгадки (слово *calzón*):

*Peluz por de fuera,
Peluz por de dentro,
Alza la pata
Y métela dentro*

[Santana 1992: 109].

Пушистые снаружи,
Пушистые изнутри.
Ногу подними и
Внутрь помести,

*Cal, pero sin blanquear,
Son, pero ne de bailes*
[Santana 1992: 144].

Известь, но не для
отбеливания,
Стиль, но не танцевальный.

В следующей загадке о штанах используется антропоморфная метафора про две ноги, которые не могут передвигаться без человека:

*Dos buenas piernas tenemos
y no podemos andar
sin el hombre, que sin nosotros
no se puede presentar*
[Böhl de Faber 2021: 291].

У нас есть две ноги,
Но ходить мы можем
Только с человеком,
Ведь без нас он не может
появляться на людях.

Процесс надевания одежды мы видим и в современной загадке о свитере, предложенной известными собирателями и исследователями загадок Хосе Луисом Гарфер у Кончей Фернандес. Загадка описывает внешние свойства предмета:

*Soy de lana calentita,
Si me ponen del revés,
Las costuras tú me ves.*
[Santana 1992: 144].

Я сделан из теплой шерсти,
И если меня надеть наизнанку,
Можно увидеть мои швы.

Среди традиционных русских загадок примечательно загадка о шубе, которая на протяжении веков являлась неотъемлемой частью гардероба русского человека. Шуба в загадках обладает способностью согревать человека, не будучи печью.

Черна, а не земля,

*Пушиста, а не снег,
Греет, а не печка*
[Карпенко 1988: 9].

Похожая взаимосвязь одежды и человека встречается в татарской загадке об одежде – она находится на теле человека и передвигается с ним повсюду:

<i>Гичкайчан да ул кешедән калмыйдыр, Һәм кеше дә аннан үзе калмыйдыр</i> [Махмутов 2014: 253].	Она никогда не отстает от человека, И человек от нее – тоже.
--	--

В следующей загадке мы видим природную метафору – одежда и ее части сравниваются со столбом и прутьями дерева. Вероятно, «путья» являются рукавами верхней одежды, которые изнашиваются в первую очередь, тогда как основная часть одежды является более долговечной:

<i>Бурасы туза, Баганасы кала</i> [Махмутов 2014: 253].	Путья гниют, А столб остается.
--	-----------------------------------

В татарской лингвокультуре встречаются загадки о шубе. Одна из них прибегает к природной метафоре – внутренняя сторона шубы является гладкой и сравнивается с полем, тогда как внешняя с мехом является «лесом»:

<i>Бер ягы кыр, бер ягы урман</i> [Махмутов 2014: 254].	С одной стороны – поле, С другой – лес.
--	--

Следующая загадка о шубе намекает на материал, из которого изготавливается шуба. В этом случае это козлиная:

<i>Тәкә тунын салдырдым,</i>	Козлину расстелил
<i>Шуны үзем ябындым</i>	И сам на ней лёг.
[Махмутов 2014: 254].	

Природную метафоры находим и в загадке об одежде, изготовленной из кожи. В ней внешняя часть одежды называется «березовой корой, а сама такая одежда обладает свойством согревать человека. Примером одежды из кожи может служить тулуп из дубленой кожи:

<i>Кара кайры кабык,</i>	Черная березовая кора
<i>Шуңардан жылына халык</i>	Народ греет.
[Махмутов 2014: 254].	

В загадке про камзол – традиционный татарский и башкирский костюм – встречается описание предмета одежды. На груди камзола можно встретить узоры (здесь – «завитушки»), а края одежды являются «острыми», поскольку костюм вышивается из плотной ткани. В загадке можно заметить значимость камзола в жизни татар («а сам он – ценный»):

<i>Биле бормалы,</i>	В талии – завитушки,
<i>Чите укалы,</i>	По краям – остро,
<i>Үзе бәһале</i>	А сам он – ценный.
[Махмутов 2014: 254].	

В татарской загадке о халате встречаем антропоморфную метафору, которая намекает на наличие у халата капюшона:

*Жиңе бар – күлмәк түгел,
Бавы бар – яльяпкыч түгел*
[Махмутов 2014: 254].

Есть рукава – но не рубашка,
Есть голова – но не шапка.

Платье предстает сущностью без головы, ног и туловища, но с рукой (рукавами):

*Баш-аяксыз – буе бар,
Гәүдәсе юк – кулы бар*
[Махмутов 2014: 254].

Без головы и ног – но во весь
рост,
Без туловища – но есть рука.

В загадках о брюках можно встретить метафору дороги и пути – в них один человек идет двумя дорогами одновременно, что отсылает к двум штанинам. Поясная часть брюк в данном случае выступает началом дороги, а две штанины – разветвлениями дороги:

*Ике аеры, төбе бер,
Нәрсә икәннен әйтеп бир!*
[Махмутов 2014: 255].

Они разделены, но основа одна.
Угадай, что это.

Бер кеше ике юлдан бара
[Махмутов 2014: 255].

Один человек идёт по двум
дорогам.

*Юлга чыктым,
Ике юл чатына життем,
Берьюлы икесе буйлап киттем*
[Махмутов 2014: 255].

Вышел на дорогу,
Дошёл до места, где две дороги
сходятся,
И сразу по обеим отправился.

Похожая метафора наблюдается в загадке об одежде. В ней человек входит в одну дверь, а выходит из трех. Двери в данной загадке являются горловиной и рукавами одежды:

*Бер ишектән керәсең,
Өч ишектән чыгасың*
[Махмутов 2014: 254].

Входишь в одну дверь,
А выходишь из трех.

Анализ загадок об одежде показал, что испанским и татарским загадкам свойственны антропоморфные метафоры ног и рук. В русской и татарской лингвокультуре отражены традиционные для русских и татар предметы одежды – шуба и камзол.

4.2. Загадки об обуви

Среди испанских загадок встречаем множество загадок об обуви – ботинках или туфлях. В загадках они предстают попутчиками, которые никогда не встречаются, а также нередко иносказательно сравниваются с маленькой темной комнатой.

*El mismo camino andamos
Y ni nos vemos
ni nos encontramos.
[Santana 1992: 109].*

Идем одной дорогой,
Но никогда не встречаемся.

*En un cuartito oscuroito
Duermen cinco pobrecitos.
[Santana 1992: 127].*

В темной комнатке
Спят пятеро бедняжек.

*En un cuartito oscuro
Meten u sacan a Juan desnudo.
[Santana 1992: 120].*

Обнаженного Хуана
Заводят и выводят из
маленькой комнаты.

В следующей загадке, в которой левый и правый сапог сравниваются с братьями, мы наблюдаем креативную метафору про глаза, которая указывает на процесс изнашивания обуви и появление в ней дырок:

*Dos hermanitos
muy igualitos,
en llegando a viejecitos
abren los ojitos
[Böhl de Faber 2021: 160].*

Двое братьев,
Друг на друга похожих,
В преклонном возрасте
Открывают очи.

В другой загадке мы встречаем не только антропоморфную метафору, но и свойства обуви: здесь она сделана из кожи и предназначена для защиты ног от невзгод внешнего мира.

*¿Cuál es la cosa formada
de vestidos de animales?
Cinco hermanos desiguales
hacen dentro su morada
para librarse de males.*
[Santana 1992: 75].

Что это за вещь,
Сделанная из кожи животных?
Пятеро непохожих братьев
В ней поселились,
Чтобы укрыться от несчастий.

*De día llenos de carne
Y por la noche con la boca al aire.*
[Santana 1992: 109].

Днем мы полны мяса,
А ночью наши рты пусты.

В загадке о сапогах (с исп. *la bota*) мы видим отсылку и к другому объекту, а именно бурдюку для вина (также *la bota* с исп.). В загадке говорится о том, что обе вещи могут быть весьма полезными для странников. Сапоги тем, что защищают ноги в дороге, а бурдюк – тем, что содержит в себе вино, утоляющее жажду в жаркую погоду. Однако польза второго может проявляться только в случае нечастого и разумного обращения к его содержимому.

*No soy aguda de nombre,
aunque de grande servicio,
de dos cosas tengo oficio,
que son de provecho al hombre
si usare de mí sin vicio*
[Santana 1992: 77].

В моем названии нет ничего
острого,
И я приношу пользу человеку
В двух своих своих
проявлениях.
Но только если мною
пользоваться благоразумно.

Похожие антропоморфные метафоры про пятерых людей можно встретить и в русских загадках об обуви.

Пять мальчиков,
Пять чуланчиков,
Разошлись мальчики,
В темные чуланчики,
Каждый мальчик в свой чуланчик
[Рыбникова 1932: 162].

Следующая загадка является русским аналогом рассмотренной ранее испанской загадки, в которой в обуви хранилось мясо:

В липовом мешке
Живое мясо шевелится
[Рыбникова 1932: 305].

Нами были обнаружены и более легкие загадки об обуви:

Хожу на голове,
Хотя и на ногах
[Рыбникова 1932: 97].

Поскольку русские загадки в основном описывают простую крестьянскую одежду, мы находим несколько загадок о лаптях. В них метафорически представлен жизненный цикл лаптей – от заготовки лыка до плетения и носки лаптей.

*В лесу родился,
В руках крестился,
На ногах умер*

[Митрофанова 1978: 77].

«Крещение» лаптей может рассматриваться как в качестве метафоры «рождения», так и в качестве метафоры процесса изготовления лаптей, во время которого лыки сплетаются и скрещиваются. А смерть лаптей в данном случае можно рассматривать в буквальном смысле, поскольку лапти очень быстро изнашивались, а взрослому мужчине в среднем их хватало на неделю. Отсюда поговорка: «В дорогу идти — пятеры лапти сплести!».

В сборниках загадок М.Т. Карпенко мы находим более современные загадки про валенки:

*Не ботинки, не сапожки,
Но их тоже носят ножки.
В них мы бегаем зимой:
Утром — в школу,
Днем — домой (Валенки)*
[Карпенко 1988: 9].

Татарская лингвокультура особенно богата загадками об обуви: найдены как загадки о сапогах, так и о процессе изготовления сапог. В загадках о производстве сапог используется оноματοпeя: звукоподражание передает ритмичные стуки и удары, происходящие в процессе изготовления сапог:

*Иртән дә шакы-шокры,
Кичен дә шакы-шокры;
Көн дә бер эш,
Иртә тор да кереш*
[Махмутов 2014: 253].

Утром тук-тук,
Вечером тук-тук;
Дело одно и то же,
Встань пораньше да
принимайся за него.

В другой загадке о шитье сапог видна отсылка к традиционному татарскому орнаменту в виде геометрических фигур «шакмак», который украшает традиционные татарские сапоги:

*Бер көн, бер төн утырдым,
Шакмаклы киндер тукудым
[Махмутов 2014: 253].*

Один день и одну ночь
просидел,
Кожу с узором «шакмак»
вышивал.

В загадках о сапогах находим антропоморфные метафоры. Сапоги предстают «родными арапами», темнокожими людьми, которые ни на шаг не отстают от человека:

*Бертуган ике гарәп, -
Буйлары тездән,
Бер дә бездән калмыйлар,
Безне саклыйлар
[Махмутов 2014: 258].*

Два родных арапа, —
Их рост от колена,
Ни на шаг от нас не отстают,
Нас защищают.

*Башы бар – авызы юк,
Жылысы бар – миче юк
[Махмутов 2014: 258].*

Голова есть – рта нет,
Тепло есть – но не от печи.

В следующей загадке ичиги предстают существом, не способным бегать и залезать на стену:

*Ыгырдама чыгырдама,
Киясемне киярмен
[Махмутов 2014: 259].*

Бегать не умеют,
И на стену залезть не могут.

Так же, как и в русской лингвокультуре, в татарской встречаются загадки о валенках. В них используется зооморфная метафора «черной курицы», которая зимой «роет снег», что намекает на процесс носки валенок в холодное и заснеженное время года.

Кара тавык кар ера
[Махмутов 2014: 258].

Черная курица снег роет.

Летом валенки, как демонстрирует следующая загадка, лежат в чулане и дожидаются зимы:

*Жәй көне чоланда ята,
Кыш көне бездөн калмый*
[Махмутов 2014: 258].

Летом лежат в чулане,
А зимой они с нами.

Татары традиционно носили лапти «чабата», что отражено в загадках татарской лингвокультуры. В них мы находим зооморфные метафоры «мышь», «хвоста» и «пупка». Хвост отсылает к лыковым завязкам на лаптях, а пупок — к месту, где сходятся завязки:

Бер тычканга ике койрык
[Махмутов 2014: 257].

У одной мыши — два хвоста.

*Ике түмгәк, ике койрык, бер
кендек*
[Махмутов 2014: 257].

Два тупика, два хвоста, один
пупок.

В другой загадке о лаптях встречаем антропоморфную метафору («усы»), которые, как и в предыдущих загадках намекает на лыковые завязки на лаптях. Сами лапти описаны с помощью артефактной метафоры «узорчатой рубашки» или «узорного шлема»:

*Жиз мыеклы жизнәм килгән,
Шакмаклы күлмәк кигән,
Үзе түргә узмый*
[Махмутов 2014: 257].

Пришёл человек с плетёными
усами,
В узорчатой рубахе одетый,
Сам на стену не лезет.

*Әбиләргә барган чакта,
Шакмак шәлем төшеп калды.*
[Махмутов 2014: 257].

Когда ходил к бабушкам,
Мой узорный шлем остался
лежать.

Артефактная метафора «пестрая подушка» также используется в качестве отсылки к внешнему виду плетенных лаптей.

Юл буенда чуар ястык.
[Махмутов 2014: 257].

У дороги пёстрая подушка.

Метафора «шахматная доска» указывает на след от лаптей, поскольку лапти оставляют решетчатые отпечатки на заснеженной дороге:

*Юлдан барган апасы,
Тезеп шахмат тактасы.*
[Махмутов 2014: 257].

По дороге прошла её старшая
сестра,
Расстелила шахматную доску.

В татарской лингвокультуре встречаются загадки о резиновой обуви. Зооморфная метафора «пара щенков» указывает на резиновые башмаки, которые татары сушили от влаги у печи:

Мич астында пар көчек.
[Махмутов 2014: 257].

Под печкой – пара щенков.

Таким образом, анализ загадок об обуви в испанской, русской и татарской лингвокультурах демонстрирует, что в подобных загадках часто используются антропоморфные и зооморфные образы. Татарская лингвокультура акцентирует внимание отгадывающих на внешних характеристиках обуви и прибегает к артефактным метафорам шахматной доски или предметов одежды с узорами.

4.3. Загадки о головных уборах и аксессуарах

В испанском языке примечательны загадки о сомбреро как типичном предмете повседневной жизни испанца, который призван защищать голову от солнца в жаркие и солнечные дни года.

В загадках нам встречаются артефактные метафоры (крыша, дом):

<i>¿Cuál es aquel tejado sin tejas que cubre la casa por alrededor y es guarda del frío, también el calor y más le acostumbran las casas más viejas?</i> [Santana 1992: 14].	Это крыша без черепицы Покрывает дом со всех сторон. Она защищает от холода и зноя, Но привычна она скорее для старых домов.
---	--

Прослеживаются и зооморфные метафоры. У сомбреро есть крылья, но они не обладают способностью летать. В данном случае крылья служат отсылкой к полям шляпы:

<i>Tamaño como una cazuela tiene alas y no vuela</i> [Santana 1992: 109].	Размером с кастрюлю, С крыльями, но не летает.
--	---

В русской лингвокультуре встречаем загадку о современном головном уборе, т.е. кепке. В загадке кепка выступает в качестве навеса от солнца и призвана защищать человека от прямых солнечных лучей и жары:

Покрывает целый лес
И от солнца делает навес
[Рыбникова 1932: 441].

Поскольку Испания – жаркая средиземноморская страна, где температура в летние месяцы достигает +35 °С, но большую часть времени этот показатель варьируется от 25 до 28 °С [URL: <https://clck.ru/39o8gC>], веер традиционно являлся одним из самых необходимых аксессуаров у жителей страны, в частности, у женщин, при том, что есть и мужские веера. В связи с этим мы обнаружили множество загадок о веере, однако они являются различными вариациями двух загадок, представленных ниже. Тогда как в первой загадке мы видим сравнение веера с альгвасилом (младшим должностным лицом, ответственным за выполнение приказов суда и трибуналов), находящемся на службе у женщин, то вторая загадка более просто и детально описывает строение веера.

*Soy alguacil de las damas
y ministro singular,
ando cargado de varas,
sin prender ni castigar*
[Böhl de Faber 2021: 278].

Я дамский альгвасил,
Я единственный такой.
У меня немало палок,
Но я ими не наказываю.

*En las manos de las damas
casi siempre estoy metido,
unas veces estirado,
otras veces encogido*
[Santana 1992: 127].

Практически всегда я
нахожусь
В женских руках.
Иногда я раскрыт,
А иногда – собран.

В следующей загадке описано свойство веера дарить радость, то есть прохладу, в летнее время года:

*De pergaminos o sedas,
o papel hechos estamos,
en verano gusto damos,*

Мы сделаны из пергамента,
Шёлка или бумаги,
И летом мы дарим радость.

*las manos no han de estar quedas
si es que nuestro oficio usamos.*
[Santana 1992: 75].

Но руки не будут спокойны,
Когда пользуются нами.

В русской и татарской лингвокультуре найдены загадки об аксессуарах для зимнего времени года: загадки о перчатках, о варежках, о шарфе.

В загадке о варежках находим артефактную метафору «мохнатые мешки». Подсказкой для отгадывающего является то, что четверо пальцев находятся вместе, а один – отдельно:

*Упрятались голышки
Во мохнатые мешки,
Четверо вместе,
Один на шесте*
[Рыбникова 1932: 303].

Тогда как в загадке о перчатках у загадываемого объекта пять пальцев:

*Что имеет пять пальцев,
Но ни одного ногтя*
[Рыбникова 1932: 162].

В татарской загадке про кожаные рукавицы мы снова наблюдаем природную метафору «кора», которая также используется в загадке о кожаной верхней одежде:

Эче – мамык, тышы – кабык
[Махмутов 2014: 259].

Внутри – хлопок,
снаружи – кора.

В загадке о шерстяных рукавицах также описываются внутренняя и внешняя стороны рукавиц, однако в данном случае используются антропоморфные метафоры. Варежка предстает в образе лица, где рот является внутренней частью, а нос – выступающими пальцами.

*Авызы – йон,
Борыны – бармакча*
[Махмутов 2014: 259].

Во рту – шерсть,
А на пальцах – нос.

Зооморфная метафора «хвост» используется в загадке о шарфе. В ней она намекает на концы шарфа, которые при носке свисают на грудь и спину человека.

*Алды да койрык,
Арты да койрык*
[Махмутов 2014: 255].

Спереди – хвост,
Сзади – хвост.

Загадки о головных уборах и аксессуарах имеют этноспецифическую окраску и тесно связаны с географическими и климатическими условиями рассматриваемых стран. Для испанской лингвокультуры характерны загадки об аксессуарах, помогающих справиться со знойной испанской жарой, а в русской и татарской лингвокультурах встречаются загадки о варежках, призванных защитить человека от холода в зимнее время года.

4.4. Выводы по Главе 4

В Главе 4 были выявлены этнокультурные характеристики испанской, русской и татарской вестиментарных систем, представленных в загадках.

Доминирующими загадками об одежде и аксессуарах в испанской лингвокультуре оказались загадки об обуви, веере и сомбреро, что в первую очередь определено климатическими условиями Испании. Испанская лингвокультура выделяется загадками об отсутствии одежды на теле человека.

В корпусе русских загадок встречаются загадки о традиционных народных предметах одежды, таких как шуба, валенки, лапти, а также отсылки к холодной погоде в этих загадках. Татарские загадки об одежде являются самыми многочисленными и вариативными. В татарской лингвокультуре преобладают загадки о традиционных татарских предметах одежды (ичиги «читек», татарские лапти «чабата», лапти «итек», камзоз). Русские и татарские загадки о шубе, валенках, лаптях и рукавицах подтверждают тезис о взаимопроникновении русской и татарской культур на уровне образов в загадках о предметах одежды.

В рассмотренных загадках трех лингвокультур наблюдаем загадки с использованием игры слов и звукосимволизма. В текстах загадок используется большое количество метафор – артефактных, антропоморфных, религиозных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной диссертации впервые на материале текстов загадок для испанской, русской и татарской лингвокультур предложен опыт сопоставительного описания природных явлений, пищи и предметов одежды с использованием интерпретации особенностей их поэтики и параметров языковой объективации. Были определены языковые параметры испанских, русских и татарских загадок о повседневности через их комплексный семантический, интерпретационный, лингвокультурологический анализ и в систематизации сходств и различий.

Сопоставительный анализ загадок в трех рассмотренных лингвокультурах выявил их лингвокультурологические и этноспецифические особенности. Лингвокогнитивный подход позволил определить особенности формирования образности в фольклоре испанцев, русских и татар. Такой подход задает новые ракурсы изучения загадок в различных национально-культурных и коммуникативных контекстах.

Было установлено, что тексты испанских, русских и татарских загадок отражают языковую картину мира испанцев, русских и татар. Анализ текстов загадок также показал, что испанская и русская лингвокультуры проявляют тяготение к событийности, тогда как татарская лингвокультура тяготеет к фокусированию на признаках и качествах денотатов в загадках, созвучному признаковой (качественной) детерминанте тюркских языков.

Образам природы в текстах загадок свойственна лакунарность: загадки о снеге типичны для русской и татарской лингвокультур и крайне скудны в испанской. Во всех исследованных фольклорных текстах загадки о природе как о вечной сущности эстетически окрашены, содержат много образных, поэтических и фактических деталей, что делает тексты загадок привлекательным для детей и взрослых и одновременно значимым эмпирическим материалом для филологов, лингвистов, литературоведов, культурологов, переводчиков.

Этнолингвистическое содержание, поэтика испанских, русских и татарских загадок о пище и предметах одежды закономерно зависят от объективных природно-географических условий, обуславливающих как особенности доминант народного мировидения, глуттонические системы, вестиментарный код, так и типологические характеристики испанского, русского и татарского языков. Было установлено, что в сопоставительном плане денотатам испанских, русских и татарских загадок о пище и предметах одежды и их образам присуща лакуарность: они встречаются в фольклоре одной лингвокультуры, но могут отсутствовать в другой.

Выявлено взаимопроникновение русской и татарской культур на уровне образов в загадках о природе, пище, и одежде, что обусловлено длительным взаимодействием русского и татарского этносов.

Загадки о предметах одежды проявляют этноспецифику, а также демонстрируют влияние географических и климатических условий рассматриваемых стран на вестиментарный код соответствующих культур и непосредственно на текст загадок.

Структура отгадок в загадках о мире повседневности трех лингвокультур обеспечивается в объеме от одного компонента до детализированной отгадки, что было обнаружено во всех трех изучаемых лингвокультурах. Наблюдается большое количество загадок с использованием игры слов, звуко-символизма, и религиозных метафор, в частности в испанской лингвокультуре. Загадки во всех анализируемых лингвокультурах богаты метафорами – вестиментарными, артефактными, антропоморфными, зооморфными и др.

Неоценимо значение загадки в сохранении культурной памяти этноса, развитии лингвистической эрудиции студентов гуманитарных специальностей, что остается лакуной в лингводидактике иностранных языков, частной филологии, курсах по теории языка, лингвистической семантике и поэтике.

БИБЛИОГРАФИЯ

Монографии, учебные пособия, словари, научные статьи

а) на русском языке

1. Алефиренко Н.Ф., Кеснер Й. Проблемы билингвальной языковой личности в свете лингвокогнитивистики / Н.Ф. Алефиренко, Й. Кеснер // Филологические науки. - 2019. - № 5. - С. 3-11.
2. Аникин В.П. Д.Н. Садовников и его сборник загадок / В.П. Аникин // Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач. - Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1959. - С. 3-30.
3. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://philologos.narod.ru/classics/aristotel_poe.htm (дата обращения: 16.10.2021).
4. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. IV. - Санкт-Петербург, 1842. - С. 125.
5. Баканова А.В. Малые жанры испанского фольклора / А.В. Баканова // Ибероамериканские тетради. - 2023. - № 3. - С. 146-163. - DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-3-146-163.
6. Бахтикиреева У.М., Валентинова О.И., Рыбаков М.А. Факторы типологической комплементарности славянских и тюркских языков в свете системной лингвистики и этнологии // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. - 2021. - С. 21-30.
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - Москва: Искусство, 1986. - 424 с.
8. Бергер П.Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П.Л. Бергер, Т. Лукман; пер. с англ. Е. Руткевич. - Москва: Медиум, 1995. - 323 с.

9. Бочина Т.Г. Числовой и цветовой код как компонент тувинских загадок о человеке // Новые исследования Тувы. - 2023. - № 3. - С. 6-20. - DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>.
10. Бредис М.А., Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю., Кужугет Ш.Ю. Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. - 2021. - № 4. - С. 143-160. - DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>.
11. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. - Санкт-Петербург, 1861. - С. 129.
12. Бэлиш (бэлеш) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tatcultresurs.ru/onkn/belish-blesh> (дата обращения: 18.03.2024).
13. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер; пер. с нем. М. Левин, А. Филиппов и др. - Москва: Прогресс, 1990. - 804 с.
14. Веселая россыпь (татарский народный юмор) / сост. Г.Б. Баширова; пер. с татар. Г. Ладонщикова; предисл. Ф. Урманчеева. - Москва: Наука, 2021. - 120 с.
15. Вильданов А.Х., Кунафин Г.С. Башкирские просветители-демократы XIX в. - Москва: Наука, 1981.
16. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. - Москва: Учпедгиз, 1959. - 492 с.
17. Воробьев В.В. Лингвокультурология. - Москва: РУДН, 2006. - 331 с.
18. Габдрафикова Л. Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX – начало XX века). – Казань: Татарское книжное издательство, 2015. – 366 с.
19. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – Москва, 1988. – 704 с.
20. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос. – Москва: Прогресс, 1995. – 448 с.

21. Герценовские чтения. Иностранные языки: сборник научных трудов. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. – 459 с.
22. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем.; под ред. Г.В. Рамишвили. – Москва: Наука, 1984. – С. 80.
23. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Санкт-Петербург: Азбука, 2019. – 669 с.
24. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. – Москва: ТОО «Мишель и К», 1998. – С. 100.
25. Даль В.И. Пословицы, поговорки и присловья русского народа. – Москва: Эксмо, – 889 с.
26. Еникеев Г.Р., Китабчы Ш. Наследие татар. – Москва: Алгоритм, 2012. – 254 с. – (Серия «Татарский след в истории России и Евразии»).
27. Жигунова Г.В. Повседневность как социальный феномен // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. – 2015. – № 8(52). – С. 56-71.
28. Загадки. Можжевельник [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://stihi.ru/2012/06/29/7763> (дата обращения: 15.07.2024).
29. Загадки на татарском языке [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ilbyak-school.ucoz.ru/blog/azyk_t_lek_ash_su_zerl_ashau_ehch/2012-01-02-732 (дата обращения: 13.03.2024).
30. Загадки про голубику в рифму [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://millionzagadok.ru/rifma/golubika.html> (дата обращения: 15.07.2024). лем: электронный научный журнал. – 2015. – № 8(52). – С. 56-71.
31. Загадки про орехи [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://zooclub.ru/skazki/zagadki/zagadki-pro-orehi.shtml> (дата обращения: 15.07.2024).

32. Загадки про орех с ответом в рифму [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://zagadki-pro.ru/zagadki-s-otvetom-oreh/otvet-v-rifmu/> (дата обращения: 15.07.2024).
33. Загадки про сало [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://kidsclever.ru/content/zagadki-pro-salo> (дата обращения: 13.06.2024).
34. Загадки про солнце [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://multi-mama.ru/zagadki-pro-solnce/> (дата обращения: 15.07.2024).
35. Загадки про чай [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://zagadka-otvet.ru/zagadki-pro-chaj.html> (дата обращения: 12.11.2023).
36. Зеленин Д.К. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии: Ч. II. Запреты в домашней жизни // Сборник музея антропологии и этнографии. — 1929. — Т. IX. — С. 164.
37. Зиновьева Е.И., Алешин А.С. Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. — 2022. — № 1. — С. 131–145. — DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>.
38. Знаменский П. Казанские татарсы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/Znam_KazTat.php (дата обращения: 23.10.2024).
39. К вопросу о семантической структуре загадки. Когнитивный и культурологический комментарий как принцип исследования // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. — 2020. — № 4(4). — С. 71.
40. Карпенко М.Т. Сборник загадок: пособие для учителя. — Москва: Просвещение, 1988. — 80 с.
41. Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев / М.Б. Кенин-Лопсан; пер. с тувин. А.А. Дугержаа, А.С. Дембирель. — Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2006. — 230 с.

42. Климат в Испании [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://spainhomes.ru> (дата обращения: 15.02.2024).
43. Ковшова М.Л., Орлова О.С. К вопросу о семантической структуре загадки. Когнитивный и культурологический комментарий как принцип исследования [Электронный ресурс] // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. - 2020. - № 4(4). - С. 72. - Режим доступа: [<https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-semanticheskoy-strukture-zagadki-kognitivnyy-i-kulturologicheskiy-kommentariy-kak-printsip-issledovaniya>] (дата обращения: 17.12.2024).
44. Ковшова М.Л., Орлова О.С. Культурологический комментарий в словаре русских загадок: идея, принципы, содержание // Язык и актуальные проблемы образования: материалы V Международной научно-практической конференции; г. Москва, 21 января 2020 года / под ред. Е.И. Артамоновой, О.С. Ушаковой. - 2020. - С. 123-126.
45. Ковшова М.Л., Орлова О.С. Когнитивный анализ загадок и культурологический комментарий: опыт исследования // Когнитивные исследования языка. - 2020. - Вып. 2(41). - С. 97-101.
46. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры. - Москва: URSS, 2019. - 395 с.
47. Колбаса, сосиски, мясопродукты в загадках [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://deti.parafraz.space/kolbasa-sosiski-myaso-myasoproduktyi-v-zagadkah/> (дата обращения: 15.07.2024).
48. Колесникова С.М. Градуальная семантика русских и тувинских пословиц // Новые исследования Тувы. - 2022. - № 1. - С. 90-103. - DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>.
49. Коростелева В.А. Чай: традиции и культура // Чай в историческом, культурном, медицинском аспекте: материалы I научно-теоретической онлайн-конференции с международным участием, Курск, 15 декабря

- 2020 года. - Курск: Курский государственный медицинский университет, 2020. - С. 8-12.
- 50.Красина Е.А., Перфильева Н.В. Инновационные принципы лингвистической методологии: учебное пособие. - Москва: РУДН, 2008. - 228 с.
- 51.Красных В.В. Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии // Русский язык за рубежом. - 2011. - № 4(227). - С. 60-66.
- 52.Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. - Москва: Языки славянской культуры, 2004. - 560 с.
- 53.Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. - Москва: МГУ, 1996. - 245 с.
- 54.Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. - Москва: Советская энциклопедия, 1987. - 751 с.
- 55.Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. - Москва: Academia, 1993. - С. 658.
- 56.Малхазова М.И. Лингвокультурология как самостоятельное направление лингвистики // Актуальные вопросы современной науки. - 2015. - № 39. - С. 134-142.
- 57.Маслова В.А. Культурно-национальная специфика русской фразеологии. - Москва: Языки славянской культуры, 2004. - С. 69-76.
- 58.Махмутов Х.Ш. Татар халык табышмаклары. Татарские народные загадки. - Казань: Татарское книжное издательство, 2014. - 384 с.
- 59.Медведева Е.С., Чеснокова О.С. Лингвокогнитивный анализ испанских загадок о животных // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. - 2019. - Вып. 13(829). - С. 59-71.

- 60.Мельников Г.П. Системная типология языков: принципы, методы, модели [Электронный ресурс] // Филологический факультет МГУ. — Режим доступа: https://www.philol.msu.ru/~lex/melnikov/meln_syst/gl4.htm#p9 (дата обращения: 13.08.2024).
- 61.Мельников Г.П. Системная типология языков: курс лекций. — Москва : РУДН, 2000. — 90 с.
- 62.Миллер О.Ф. Опыт исторического обозрения русской словесности с хрестоматиею, расположенного по эпохам. Ч. 1, вып. 1. - 2-е изд. - Санкт-Петербург, 1865. - 61 с.
- 63.Митрофанова В.В. Русские народные загадки. - Ленинград: Наука, 1978. - 178 с.
- 64.Михальченко В.Ю. Языковая ситуация и языковая политика в современной России // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: сборник обзоров. - Москва: ИНИОН РАН, 2015. - С. 14-31.
- 65.Мугтасимова Г.Р. Этнокультурные особенности татарских загадок // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2012. - № 7(18). Ч. 2. - С. 144-147.
- 66.Насыри К. Наставления повару. - Казань: Познание, 2015. - 92 с.
- 67.Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. - Москва: Флинта: Наука, 2003. - 320 с.
- 68.Нелюбова Н.Ю. Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. - 2022. - № 1. - С. 146-163. - DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>.
- 69.Николаева Е.В., Савельева А.И. Образ природы в русских и английских метафоричных загадках (сравнительный аспект) // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. - 2021. - № 2(111). - DOI: 10.37972/chgpu.2021.111.2.0.

70. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург ; Москва : Норинт : Рипол классик, 2008. — С. 316.
71. Остолопов Н.Ф. Словарь древней и новой поэзии. - Мюнхен: Fink, 1971. - 531 с.
72. Павловская А.В. Страсти вокруг мяса, или Пища кочевников. Как еда разделила людей на «своих» и «чужих». - Москва: Ломоносовъ, 2022. - 240 с.
73. Паремиология на перекрёстках языков и культур: монография / М.А. Бредис, Е.Е. Иванов, О.В. Ломакина, Н.Ю. Нелюбова, Ю.А. Петрушевская; под ред. Е.Е. Иванова, О.В. Ломакиной. - Москва: РУДН, 2021. - 246 с.
74. Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропоцентрической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. - 1999. - С. 30.
75. Пропп В.Я. Фольклор и действительность: избранные статьи. - Москва: Главная редакция восточной литературы, 1976. - 326 с.
76. Радбиль Т.Б. Когнитивистика: учебное пособие. - Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет, 2018. - 375 с.
77. Раевская М.М., Киселева Л.Н. Испанская гастрономическая традиция как элемент социокультурной идентичности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2015. - № 2. - С. 77-87.
78. Региональное языковое сознание коми, русских, татар: монография / Н.В. Уфимцева [и др.]; под ред. Н.В. Уфимцевой. - Москва: РФФИ, 2017. - 236 с.
79. Республики России: этноисторические очерки / науч. ред. Т.В. Батаева. - Москва: Белый берег, 1999. - 138 с.
80. Русская мифология / сост. Е. Мадлевская. - Санкт-Петербург: Мидгард, 2005. - 778 с.

- 81.Русско-татарский словарь / Ф. А. Ганиев, Ф. Ф. Гаффарова. — Казань : Татарское книжное издательство, 2014. — С. 64.
- 82.Русский фольклор: сборник мифов, былин, сказок, песен, загадок, пословиц и поговорок / сост., вступ. ст. и коммент. В. Модестова. - Москва: Художественная литература, 2007. - 416 с.
- 83.Рыбникова М.А. Загадки. - Москва; Ленинград: ACADEMIA, 1932. - 488 с.
- 84.Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ.; под ред. А.Е. Кибрика. — М.: Прогресс: Универс, 1993. — 226 с.
- 85.Соколов Ю.М. Русский фольклор. — М.: Учпедгиз, 1941. — 560 с.
- 86.Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. — М.: Яз. слав. культуры, 2001. — 278 с.
- 87.Татар милли ашлары = Татарская национальная кухня / под ред. Л.Р. Фазлеевой, А.В. Тимирязевой. — Казань: Заман, 2020. — 392 с.
- 88.Татар халык табышмаклары / сост. Х. Мәхмүтов. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. — 382 с.
- 89.Татарская нация: история и современное развитие / науч. ред. Д.М. Исхаков. — Казань, 2002.
- 90.Татарские загадки [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.hobobo.ru/zagadki/tatarskie-zagadki/> (дата обращения: 15.07.2024).
- 91.Татары и русские / Р. Теляшов. — СПб., 2014. — 499 с.
- 92.Толстой Н.И., Толстая С.М. Славянская этнолингвистика. — М.: Ин-т славяноведения РАН, 2013. — 240 с.
- 93.Топоров В.Н. Второе происхождение — загадка в ритуале // Исследования в области балто-славянской культуры. — М.: Индрик, 1999. — С. 8-53.
94. Уголок учителя [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://chelnyrt.ru/news/tarbiiace-posmagy/suda-tua-sudan-kurka-1701172132> (дата обращения: 02.11.2023).

95. Устами татарского народа / сост. А. Мушинский, А. Сафиуллин. — Казань: Магариф, 2007. — 237 с.
96. Ушакова О.Д. Загадки и пословицы о природе. — СПб.: Литера, 2007. — 94 с.
97. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. с доп. О. Н. Трубачёва. — Москва : Прогресс, 1964. — Т. 1. — С. 381.
98. Хёйзинга Й. Homo ludens / пер. Д. Сильвестрова. — СПб.: Азбука, 2022. — 400 с.
99. Хусаинова Н.Ю., Гиниятуллина А.Р. Архетипы русских и татар. — Казань: Плутон, 2008. — 104 с.
100. Цыбенова Ч.С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2013. — 24 с.
101. Чай в историческом аспекте: материалы конф. / сост. Т.А. Суковатых. — Курск: КГМУ, 2020.
102. Чеснокова О.С. Алонци Р., Гишкаева Л.Н. Песенно-поэтический текст *Bella ciao* // Russian Journal of Linguistics. — 2024. — Т. 28, № 2. — С. 365-390. — DOI: 10.22363/2687-0088-37403.
103. Чеснокова О.С., Байо Х.К. Испанский песенно-религиозный жанр // Вестник МГОУ. — 2019. — № 3. — С. 61-80. — DOI: 10.18384/2310-712X-2019-3-61-80.
104. Чеснокова О.С., Монфорте Дюпре Р.В. Игровой образ пространства // Cuadernos de Rusística Española. — 2023. — № 19. — С. 15-32.
105. Чеснокова О.С., Усманов Т.Ф. Образы природы в загадках // Вестник РУДН. — 2022. — Т. 13, № 2. — С. 483-501. — DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501.
106. Чувакин А.А. Основы филологии / под ред. А.И. Куляпина. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 240 с.
107. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале. — Екатеринбург: УрГПУ, 2001. — 238 с.

108. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социс. — 1988. — № 2. — С. 120-136.

б) на иностранных языках:

109. Acertijos sobre la nieve. Acertijos sobre nieve misterio de nieve [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://irgp2.ru/es/zagadki-pro-sneg-zagadki-pro-sneg-zagadka-snezhnyi-kom/> (дата обращения: 15.07.2024).
110. Adivinanzas de comida [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://aulainfantil.com/adivinanzas/adivinanzas-de-comida/> (дата обращения: 15.07.2024).
111. Böhl de Faber C. Cuentos, adivinanzas y refranes populares. — Copenhagen: Saga Egmont, 2021. — 112 p.
112. El olivar como motor económico [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://oriva.es/el-olivar-como-motor-economico/> (дата обращения: 27.05.2024).
113. El refranero y la gastronomía tradicional española [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/el-refranero-y-la-gastronomia-tradicional-espanola/html/> (дата обращения: 12.07.2024).
114. España es líder mundial en superficie de viñedo y ocupa el tercer puesto como productor mundial de vino [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.upo.es/diario/cursos-verano/2023/07/espana-es-lider-mundial-en-superficie-de-vinedo-y-ocupa-el-tercer-puesto-como-productor-mundial-de-vino/> (дата обращения: 14.12.2024).
115. Fernández Vítors D. El español: una lengua viva. Informe 2020 // Anuario del Instituto Cervantes. — Madrid: Instituto Cervantes, 2020. — P. 17-111.
116. Garfer J.L., Fernández C. Adivinancero antológico español. — Madrid: Ediciones del Prado, 1994. — 278 p.

117. La iglesia de barro, el sacristán de palo... [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.cerebrol.com/adivinanzas/> (дата обращения: 12.11.2024).
118. Medvedeva E. Linguosemiotic Analysis of Spanish Animal Riddles // European Proceedings. — 2020. — Vol. 12. — P. 76-84. — DOI: 10.15405/epsbs.2020.12.02.76.
119. Origen del olivo: la historia de un árbol milenario [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://oriva.es/origen-del-olivo/> (дата обращения: 12.11.2024).
120. Santana Jorge A. La Adivinanza a través de quinientos años de cultura hispánica: Antología histórica. — Sacramento, CA: Spanish Press, 1992. — 320 p.
121. Tipos de vientos en España [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.ecologiaverde.com/tipos-de-vientos-en-espana-36.html> (дата обращения: 11.05.2024).
122. Vineyards in Spain: world leadership [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.upo.es/wine-production> (дата обращения: 23.12.2024).
123. Los mejores refranes sobre la comida [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://circulomarisqueria.com/los-mejores-refranes-sobre-la-comida/> (дата обращения: 07.04.2024).

Авторефераты диссертаций

124. Бахтикиреева У.М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: автореферат диссертации ... доктора филологических наук / У.М. Бахтикиреева. - Москва: РУДН, 2021.
125. Кошарная С.А. Лингвокультурологическая реконструкция мифологического комплекса человек - природа в русской языковой картине мира: автореферат диссертации ... доктора филологических наук. - Белгород, 2002. - 46 с.

126. Файзуллина Н.И. Лингвокогнитивная модель народной загадки: автореферат диссертации ... доктора филологических наук. — Казань, 2019. — 42 с.

Диссертации

127. Абдрашитова М.О. Миромоделирующая функция жанра загадки в фольклорном дискурсе: диссертация ... кандидата филологических наук / М.О. Абдрашитова. – Томск, 2012. – 176 с.
128. Орлова О.С. Принцип не прямой номинации в загадках и эвфемизмах на тему рождения и смерти: диссертация ... кандидата филологических наук. - Москва: Институт языкознания РАН, 2021. - 305 с.
129. Чулкина Н.Л. Концептосфера русской повседневности как объект лингвокультурологии и лексикографии: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Чулкина Нина Леонидовна. — Москва, 2005. — 312 с.